

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

МИХАИЛ ТЫРИН

ОСМО

Михаил Юрьевич Тырин

Отраженная угроза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129191

Михаил Тырин. Отраженная угроза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-12622-8

Аннотация

Мало кому приходилось наблюдать свой собственный труп. Сотруднику корпорации "Русский космос", в прошлом космическому полицейскому, Ганимеду Сенину довелось. Ради одного этого стоило отправляться в разведывательный рейд на базу "Торонто-9", откуда был получен полубезумный призыв о помощи! Абсолютное безлюдье, лужи крови и заросли зеленой мочалки, лезущей изо всех щелей покинутых жилищ - такая картина открылась глазам изумленных десантников. Нет, это не было кошмаром - это было лишь его преддверием...

Содержание

Часть 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

131

Михаил Тырин

Отраженная угроза

«Начало сообщения. ...Эй, меня кто-нибудь слышит? Ну, отзовитесь же! Алле, алле-е-о!»

Так, понятно. Ничего не понятно. Лампочки горят, экраны горят, кнопки нажимаются. Все работает. Отзовитесь, прошу!!! Я не умею пользоваться этой штукой, вы слышите? Мой бог, ну как мне до вас докричатся?

Это база Торонто-9, планета Евгения, система Мрия. Нужна помощь. Послушайте, тут срочно всем нужна помощь. Бригада полицейских, или рота солдат, или все сразу. Тут полный кошмар. Алле?

О, господи, что это тут мигает? Меня услышали? Или нет? Черт, черт, черт!

Ладно, если меня слышат, тогда рассказываю:

Здесь полный кошмар. Я тут недавно, две недели, и уже схожу с ума. Они все тут сошли с ума. Утром по всем коридорам лужи крови, в туалетах кровь, даже на улицах. А они ничего не говорят. Спросишь – ноль эмоций. Только успокаивают. И идут на работу, а у самих кровь под ботинками хлопает. Вы меня понимаете?

Ночью крики такие стоят, что волосы дыбом. И стук, и беготня. Я не могу отсюда выбраться, ни одного челнока, ни единого транзита.

Вот же чертова машина, опять мигает... Подождите, нажму-ка я сюда... Алле, теперь-то меня слышно?

Ладно, все по порядку. Я здесь по целевому вызову... Стоп, стоп! Только не вздумайте говорить, что я псих! Я нормальный. Это они психи чертовы. Вы понимаете? Или нет? Все очень серьезно.

Боже, неужели я тут распинаюсь в пустоту... Хоть бы кто-то отозвался. Ну, ладно, продолжаю по порядку:

Эй-эй, оно гаснет! Оно пишет что-то про энергию! Срочно пришлите кого-нибудь или хоть челнок, чтоб я мог улететь. Алле, алле!..

Disconnect. RX-000 Message #097 From_____ – Toronto-9.
MainBaze Access special proff. Login. GPBT. No name
19/08/78 01-44 PM (GTS) Size 228 Gb»

Часть 1

Примерно на двадцатой минуте ожидания Сенин поймал себя на том, что ковыряется ногтем в зубах. Он отдернул руку и искоса посмотрел на секретаршу. Та занималась своими делами.

«Наверно, не видела, – подумал он. – А может, видела, но не подала вида. Они ж тут все воспитанные. Черт, надо учиться следить за собой».

Он откинулся на спинку стула и тихо вздохнул. Цифры на табло часов сменялись медленно. Ничего, нам ждать не привыкать. В профессии Сенина ожидать приходилось гораздо больше, чем действовать. Специфика такая. То взлета ждешь, то посадки, то приказа, то обеда. Бывало, по несколько суток ничего не делаешь, только ждешь. Поэтому полчасика в приемной как-нибудь потерпим.

Он попытался разглядеть свое отражение в стеклянной дверце стеллажа напротив. Виден был только силуэт. Довольно внушительный силуэт – плечистый, квадратный.

Сенин знал, что парадка на нем сидит хорошо. Она ему нравилась, но надеть ее пришлось всего трижды за пятнадцать лет службы. Первый раз, когда закончил училище. Потом – когда провожали на пенсию. И вот теперь. А больше поводов не нашлось. Даже капитанские погоны вручили в тесном ржавом кубрике полицейского бота. Было это где-то

то ли между рогами Тельца, то ли между ногами Девы...

– Спасибо за ожидание, старший менеджер готов принять вас, – донеслось до Сенина.

«Надо же, какие они тут вежливые, – подумал он, поднимаясь. – Ну, прямо тошнит от любезностей».

Открывая дверь кабинета, он все еще надеялся, что менеджер по кадрам окажется милой юной киской, которую он тут же обаял бы своим образом отважного вояки. Но там сидела не киска, а немолодой мужчина с постным лицом и следами многочисленных искусственных омоложений. Он был такой же рафинированный и ухоженный, как и все предметы интерьера. Если б не шевелился, сошел бы за деталь собственного кресла.

Сенин вошел и остановился. Последовала пауза в полминуты. По негласному этикету это время отводилось, чтобы хозяин кабинета оторвался от насущных забот и обратил внимание на посетителя. Чиновники более высокого ранга могли растянуть процесс до минуты, а то и двух.

– Вы, если не ошибаюсь... – Лицо чиновника изобразило напряженную умственную работу.

Не давая ему перегореть от напряжения, Сенин подошел и положил на стол папку с документами.

– Капитан полиции в отставке Ганимед Сенин.

– Верно, верно. – Чиновник шевельнул папку, потом повернул к себе монитор. – Да вы садитесь, прошу вас.

Последующие три минуты кадровик перелистывал фай-

лы.

– Так, а это что такое... – Он с недоумением нахмурился. – Что это за «Ган»? Кличка, что ли?

– Это... – Сенин напрягся. – Это радиопозывной. Ганимед – Ган...

– Кличка в официальном документе, – укоризненно сказал кадровик. – Такое только у вас в полиции бывает, верно?

– Я бы не сказал, что это кличка... – попробовал защититься Сенин, но его перебили.

– Привыкайте, уважаемый, к иному образу жизни. Избавляйтесь от кличек и от... – Его взгляд наткнулся на медальку Союза пацифистов, которая гордо блестела на груди Сенина рядом со штатными значками. – И от этого тоже.

– Да это...

– Знаю, знаю, это ваши полицейские прибабасы. Вам придется понять, что в корпорации существует свой порядок, которому вы должны соответствовать.

«Не успел войти, уже получил взбучку», – с досадой подумал Сенин. Кадровик продолжал просматривать файлы.

– Ну, что ж, – изрек он, наконец. – Кадровая комиссия рассмотрела ваше заявление о приеме на работу в корпорацию «Русский космос» на должность инспектора по безопасности. Никаких препятствий для нашего сотрудничества мы не усмотрели.

Сенин ощутил облегчение. Препятствий и не должно быть, однако до сего момента червячок сомнения грыз – а

вдруг забракуют. Тем более, такое начало.

– Но, должен сказать, есть небольшая проблема. – Сенин тут же снова напрягся. – Результаты тестирования не идеальные.

Кадровик с искренним сожалением посмотрел на него.

– Мне сказали, я успешно прошел все тесты.

– Успешно. Но не идеально. Не принимайте это близко к сердцу. Вы много лет провели в дальнем космосе, в экстремальных и напряженных условиях, и поэтому... Ну, скажем так, вы не сможете сразу идеально войти в соответствие с корпоративной культурой и традициями фирмы. В чем мы, кстати, только что с вами убедились.

«Он намекает на то, что я грязное тупое быдло, – дошло до Сенина. – А как же обещанное сотрудничество?»

– И что это значит? – он невольно заговорил мягко и осторожно, чтоб, не дай бог, экстремальная полицейская натура не покорила тихий корпоративный быт.

– Это означает ограничение на некоторые виды деятельности. По крайней мере, в первое время. У нас ведь есть очень деликатные направления – VIP-сопровождение, интеллектуальная разведка, охрана членов семей руководства. Ну, а потом – посмотрим, все в ваших руках. Корпорация открывает широчайшие возможности для служебного роста и внутреннего развития.

Эту песню Сенин уже слышал. Вернее, читал в рекламных буклетах «Русского космоса». Тем хуже. Он окончательно-

но почувствовал себя дремучим дебилом, которого бояться подпускать к VIP-персонам. А все так хорошо начиналось...

Впрочем, глупо было рассчитывать на то, что можно выскочить из полицейского комбинезона и тут же запрыгнуть в деловой костюм. Надо реально оценивать себя. Раз ты солдафон, то знай свое место.

– И чем я буду заниматься? – спросил Сенин, готовясь услышать любую гадость.

– Думаю, с вашим-то опытом и послужным списком ставить вас на караульную службу нецелесообразно. Но есть вакансия начальника тактического полигона на одной отдаленной базе. Будете учить наших ребят тому, что сами хорошо знаете. – Чиновник поощрительно улыбнулся.

«Ясно. Загонят в такую глушь, что света белого не увидишь. А я-то надеялся посидеть на кожаных диванах, попить из высоких бокалов. Э-эх, дурачина-простофиля...»

– Так что, если у вас нет возражений... – Кадровик отодвинул клавиатуру, намекая на скорое окончание разговора.

– А мои возражения что-то значат?

– Конечно. Можете изложить письменно заявление о вашем несогласии с решением, будет составлен акт, комиссия его рассмотрит...

«И назначит помощником младшего говновоза, чтобы впредь не умничал. Нет уж, лучше на полигон».

– От души поздравляю вас, офицер. – Кадровик протянул напудренную руку. – Вы приняты. В холле подойдите к ад-

министратуру, вас поселят и накормят. Немного позже вы будете представлены Мелояну. Мелоян – это начальник Сектора, – укоризненно добавил он, наткнувшись на вопросительный взгляд нового сотрудника.

«Ах, простите, не выучил имена ваших повелителей», – подумал Сенин. Однако, от слова «накормят» повеяло теплом. Хорошее слово. Означает, что здесь не придется жрать холодные консервы, выковыривая их ножом из банки. Это уже кое-что.

«И все-таки, как это у них так получается, – недоумевал Сенин, выходя из кабинета. – Вроде обласкали, поздравили, обращаются на «вы», накормить пообещали... А все равно, понятно, кто ты здесь и где твое место. М-да, вникать мне еще и вникать в корпоративную культуру...»

* * *

«А рожа-то у меня обезьянья», – с досадой отметил Сенин, когда оказался в лифте и увидел в зеркальной стене свое отражение.

Рядом ждали своей остановки новоявленные коллеги. Они были холеные и отглаженные, лишённые всего лишнего и индивидуального. Сенин подумал, что не скоро научится различать их в лицо. Странно, но в полиции, где положена униформа и единообразие, люди больше стремились проявить индивидуальность. Каждая боевая группа имела свой

фирменный прикол в обход униформы: кто белые шарфы носил, кто цветные платки на голову повязывал. Была даже команда, которая появлялась на людях не иначе как в ковбойских шляпах. Где они их только достали... Командиры, и Сенин в том числе, смотрели на это сквозь пальцы, потому что понимали: люди – разные, и они хотят выглядеть хоть немного разными.

Здесь же, наоборот, персонал загонял себя в общепринятый стандарт, что бы ни в коем случае не выделяться. Вот, даже к жалкой медальке прицепились. Да весь полицейский спецназ носит медальки Союза пацифистов, все это знают, и не один генерал не смеет встать поперек традиции.

Забавно было наблюдать, как чужеродная среда встречает появление нового объекта в лице Сенина, как обволакивает и изучает его. Он буквально кожей чувствовал быстрые любопытные взгляды. Но ничуть не смущался. Наоборот, гордо демонстрировал себя, и свою ладную парадную форму, и несвойственное для местной публики независимое выражение лица. Назло им всем.

Выйдя в холл, он остановился и окинул взглядом убранство. «Вот уж кому деньги девать некуда», – прокралась завистливая мысль.

Огромное пространство, масса ненужных светильников, полированные панели, кожаные диваны у стен, горшки с пальмами. И ладно, если б все это стояло где-нибудь на тверди земной. Нет же, оно болтается в ледяном вакууме, в со-

рока космических милях от ближайшего обитаемого мира. Называется «опорная база Сектора».

Интересно, сколько нужно воздуха, тепла, энергии, чтобы здесь, в глубоком космосе, работники корпорации могли цокать каблучками по стеклопаркету и носить полупрозрачные сорочки? Много, очень много.

Сенину приходилось бывать на таких базах. Правда, в несколько ином качестве. С гелевым ружьем наперевес и криками «Лежать, суки!». И теперь его тихонько грыз крошечный комплекс вины.

Администратор, сверившись с данными компьютера, выдал ему радиобрелок и ключ-карту от номера в гостинице. В этом летающем небоскребе было две гостиницы, а также большой ресторан, конференц-зал и еще много чего. Сенин считал, что у него будет время, чтобы осмотреть все достопримечательности и стать своим человеком в каком-нибудь баре. Как ни крути, а общения хотелось.

Номер порадовал сдержанной, лаконичной роскошью и качеством. Дверь шкафа отъехала без малейшего скрипа, кресло легко повернулось на оси и заботливо приняло гостя в свое мягкое удобное нутро. Идеально чистый телеэкран, на который удобно смотреть и с кресла, и с диванчика. Тут же – видеодиск «Русский космос: полтора века во Вселенной» в подарочной упаковке. Впрочем, такой подарок Сенина не растрогал. Пропаганды он наелся. В остальном все очень даже неплохо.

Он поднялся с кресла и подошел к дивану. Надо бы снять ботинки, которые он не снимал часов четырнадцать, и дать ногам отдохнуть. Но тогда придется идти в душ, иначе пойдет такой запах по стерильным гостиничным стенам... А в душ так сразу лень, передохнуть бы минут пять.

В конце концов, Сенин скинул мундир и завалился на диван в ботинках. И тут же испытал странный прилив удовольствия от этого маленького преступления против местных порядков. Нечасто позволишь себе лечь в грязном на чистое. Обычно бывало наоборот.

Через минуту он понял, что не может расслабиться и полностью отдаться отдыху в уютной чистой комнатке. Тело еще не привыкло к этим условиям. Ему бы, телу, пристроиться полулежа, прислониться к какому-нибудь ящику в грузовом отсеке, тогда – да. И еще ранец под голову. И можно очень даже неплохо выспаться. А здесь что-то не то.

Надо привыкать. Скорее всего, на далеком тактическом полигоне тоже будут удобные хорошие комнаты. Все-таки корпорация. Один промысловик, случайно встреченный Сениным в безвестном грузовом порту, сказал: «Мы зарабатываем деньги не для того, чтобы ползать на карачках по грязным ржавым коридорам».

Это верно. У них даже крошечные почтовые грузовички устланы коврами дорожками. И конденсат с потолка не капает, и не надо надевать теплый бушлат, когда ложишься спать. Частный капитал умеет себя холить и лелеять.

Сенин дотянулся до мундира, достал блокнот. Включил нужную запись и поставил экран на подушку перед собой. Ну, здравствуй, жена. Он давно знал сообщение наизусть, но все равно пересматривал его раз за разом.

«Привет, бродяга. – На крошечном экране появилась женщина с насмешливыми глазами. – Все носишься с ружьем, людей пугаешь? Я вот думаю, давно тебя не видно и не слышно. Забыл, наверно, законную жену? А меня пересадили на пассажирский лайнер. И я теперь – помощник капитана. – Женщина убрала с плеч рыжие кудри и гордо постучала пальцем по погону. – Видал? Теперь сама могу тобой командовать. Как ты поживаешь, Сенин? Голову даю на отсечение, тискаешь сейчас какую-нибудь повариху на базе. Точно? Ай-ай-ай, Сенин, как можно, при живой-то жене? Ладно, не обижайся. До гражданской пенсии мне осталось всего-то три с половиной года. Ты уж дождись. Кстати, отпуск мой откладывается – в связи с переводом. И когда мы теперь увидимся, ума не приложу. Ты уж придумай что-нибудь, Сенин, ладно?»

В груди у Сенина сладко заныло. «До чего ж хороша, бестия! – подумал он. – И годы ее не берут, и ничего с ней не делается. Жалко, трахается там направо и налево... «помощник капитана». Ну, тут уж ничего не поделаешь, судьба у нас такая, сам грешен».

Сенин был одним из тех идиотов, кто женился сразу после выпускного бала на студентке гражданского летного фа-

культета. Конечно, в тот момент все было красиво: новая жизнь, золотые погоны, прощание с училищем, да еще юная жена-красавица. И сердце из груди рвалось, и слезы катились, и в любви до гроба клялись с исступлением.

Так многие делали. Однако подобные браки были скорее красивым романтическим ритуалом для выпускников. Такие семьи моментально самоликвидировались, месяца за два-три. И от былой любви оставалось лишь недоумение. Какая, к черту, любовь, если оба летают в разных концах света, и неизвестно, когда увидятся. Вернее, известно – на пенсии. Но это уж совсем ни в какие ворота, кому нужна такая «семья»?

А вот у Сенина с Элизой получилось не как у всех. Во-первых, им удавалось относительно регулярно встречаться. Хотя бы раз-два за год. Во-вторых, они искренне друг в друге души не чаяли, им вместе было всегда интересно и весело. Даже проведя пять недель отпуска в одном номере офицерской гостиницы, они друг другу не надоедали.

И поэтому, расставаясь, всерьез клялись встретиться снова. Хотя, всерьез или не всерьез, кто там разберет... Элиз ведь серьезно говорить просто никогда не умела. Все через усмешку. Сенин, наверно, и не удивился бы, если б при следующей встрече она рассмеялась: «Ты что, Сенин? Какая семья? Покувыркались – и хватит».

Эти мысли регулярно возникали и заставляли чувствовать себя дураком. Потому что ждешь, надеешься, вроде да-

же любишь, а что там на самом деле? И все, кто узнавал о его с Элиз семейной жизни на расстоянии, за его спиной пожимали плечами.

Впрочем, как раз на это Сенину было совершенно плевать. Пусть пожимают. Как ни крути, а он этой надеждой жил все эти годы. Вернуться, вселиться в полученную по закону усадьбу, привести ее в порядок – и дожждаться Эли. Встретить ее в порту, обнять, посадить в машину, а потом, когда утихнут первые радости встречи, показать свой главный сюрприз...

И еще обязательно купить большую кружку для какао, с которой можно выходить по вечерам на крыльцо усадьбы и смотреть, как солнце прячется за горизонт.

От мечтаний его сердце снова сладко зануло. Но еще четыре года, черт их подери. Это ведь немало...

Все равно, решимость дожждаться счастливого момента не стала меньше. Наоборот, прибавилось сил. Сенин бодро вскочил с диванчика, решив, наконец, сходить в душ и привести себя в порядок. Тем более, он помнил, что его обещали покормить, а значит, ждет столик в цивильном ресторане.

Он стащил с многострадальных ног ботинки и втянул ноздрями воздух. Можно было и не втягивать. Номер заволкло хорошо знакомым отвратным душком, который служил мотивом стольких баек и прибауток среди полицейских бойцов.

Сенин огляделся. Неплохо бы найти кнопку вентилятора, если таковой имеется. Хотя, откуда здесь... Максимум – это

пассивная вентиляция, которая день за днем вяло дует подогретым воздухом. Ладно, притерпимся.

Прежде чем идти в душ, Сенин все-таки приоткрыл дверь – проветрить. Мало ли... Войдет горничная, а тут солдатский дух. Нехорошо будет.

Через пять минут он был свежим, бодрым и готовым жить дальше. От избытка чувств он полсотни раз отжался на чистом гостиничном коврикe, а затем принял стойку и нанес несколько мощнейших ударов воображаемому противнику.

– О-о, узнаю доблестную звездную гвардию! – прозвучал незнакомый голос.

Сенин в изумлении обернулся. В двери стоял некто в лимонно-желтой майке и курортных бриджах.

– Простите, у вас не заперто.

– Ага, знаю.

– Можно войти?

Сенин пожал плечами. «Вот тебе, пожалуйста – подумал он. – Первое знакомство с коллегами: в трусах, с вонючими ботинками посреди комнаты и с солдатским амбре в воздухе. Никакого тебе корпоративного порядка».

– Минуту, я оденусь.

– Необязательно, вы же у себя дома.

Нежданный гость прошелся по номеру, разглядывая обстановку. Разглядывать здесь было, конечно, абсолютно нечего, он просто дал хозяину время спокойно натянуть штаны и набросить рубашку.

Сенин в свою очередь успел украдкой рассмотреть незнакомца. Стильные усы и бородка, зализанные волосы, веселые живые глаза, крошечная серьга в ухе. Возраст не определить – особая порода вечно молодящихся мужчин. Но, слава богу, совсем не похож на ламинированных канцелярских крыс из корпорации.

– Еще раз извините, я тут восьмой день, все жду транспорта. От безделья уже дурно. И тут вижу – вы появились. Решил, что это спасение свыше.

– Даже не знаю, как вас спасти, – ответил Сенин. Ему что-то не хотелось быть избавителем от безделья и скуки. Не клоун все-таки. – Садитесь, что ли.

– Да, спасибо. – Прежде чем сесть, незваный гость опустил руку в задний карман и извлек плоскую бутылку с ликером. – Вот, как говорится...

Сенин тихо задвинул ботинки в душевую кабину. И затем включил музыку – она удачно заполняет паузы и спасает разговор от провисания.

– Я, честно говоря, тут первый день, – сказал он. – И заскучать еще не успел.

– По делам?

– Тут все по делам.

– Это верно. Меня, кстати, зовут Феликс. Феликс Рубен.

– А я – Ганимед Сенин. Работаете в «Русском космосе»?

– Нет, я наемник. Мой профиль – социопсихология. Беру разовые заказы то тут, то там.

– Социопсихолог, – проговорил Сенин. – Знаю, слышал про таких. Даже встречался. Но так и не понял, чем вы занимаетесь.

Рубен снисходительно усмехнулся.

– Лечим общество.

– От чего?

– Да мало ли... От депрессии, от иллюзий, от наивности. Люди ведь потрясающе наивны. Бросают все, берут миграционную карту и отправляются во мрак и неизвестность. Думают, что уж там-то они построят такой порядок, чтобы всем было хорошо и сытно. А всем хорошо не бывает. И тогда начинается брожение в умах, поиск виноватых, в общем, проблемы.

– И вы их тут же решаете? – иронично усмехнулся Сенин. Ему с трудом верилось, что эдакий хлыщ способен как-то повлиять, например, на толпу бунтующих шахтеров.

– Ну, решает-то администрация. Мы только даем рекомендации. Чаще всего надо просто найти крайнего – снять с должности мэра, убрать с глаз долой префекта или там губернатора. Хуже, когда люди винят в своих бедах корпорацию. Тогда, конечно, вам слово, господин офицер.

– Я не обслуживал корпорации. Я пятнадцать лет служил в полиции.

– Вот как? – Рубен взглянул на китель. – Извините, не обратил внимания. Хотя, какая разница?

– Вообще-то существенная. Корпорации охраняют только

свои деньги, а полиция – законы Федерации.

– Нет никакой разницы, – категорично покачал головой Феликс. – Любая корпорация – это то же государство, где тоже есть внутренние законы. Ну, а Федерация точно так же вкладывает деньги в освоение миров, и вы приставлены следить за их сохранностью. Разве не так?

– Все-таки не так. Здесь все решает слово хозяина, а там – закон. – Сенин, как и все военные люди, был приучен четко отвечать на провокационные вопросы. Иногда, если слова удавалось присыпать хорошей порцией харизмы, люди даже верили. Но Рубен был не из таких.

– Высокопарные слова. Поберегите их для начальства, но уж точно не для меня. Слушайте, может быть, уже пора за знакомство?.. – Он замысловато обвел рукой вокруг своей бутылки.

Долю секунды Сенин сомневался. С одной стороны, почему бы не выпить ликера, если нечем заняться? Это сближает. Но он только что прибыл. И тут же за рюмку? А если начальство прознает? А как же тогда корпоративная культура?

– Благодарю. – Он демонстративно выставил на столик только один стакан. – У меня сегодня еще могут быть важные встречи.

Рубен развел руками: жаль, но ничего не поделаешь. Но себе налил.

– Тогда пью за вашу удачу. И, может быть, перейдем на «ты»?

– Легко. Друзья зовут меня Ган.

– Отлично, Ган. Надеюсь, станем друзьями.

Сенин заметил блокнот, где в застывшем кадре бесстыдница Элиза строила ему развратные глазки, и быстренько спрятал его в карман кителя.

– Так ты говоришь, что оставил службу, Ган?

– Разве я говорил?

– Да, ты сказал «пятнадцать лет служил».

– А-а... Да, служил. Теперь – пенсионер. И по совместительству начальник тактического полигона службы охраны корпорации, – непривычные слова выговаривались как-то с трудом. – Как раз с сегодняшнего дня.

– Ха, значит, и тебя подгрести. А сам высокие слова говорил. Закон, Федерация...

– Да, закон. В чем противоречие?

– Да ничего, это я так. А чего ж на пенсии не сидится?

– Рановато еще в кресло-качалку. И потом, жена выходит на пенсию только через четыре года. Надо где-то послоняться, пока жду.

– Ну, не знаю... Можно подумать, ты мало слонялся. Тебе ведь, кажется, офицерская усадьба положена?

– Да, положена. Пусть постоит, никуда не денется.

– Ладно, я все понимаю. Сам такой же. Может, проглотить каплю? – Феликс встряхнул бутылку.

– Давай, – решил, наконец, Сенин. – Капля не повредит.

– Это верно. За твой первый день на гражданке!

«А ведь, действительно, надо бы как-то отметить, – подумал Сенин, смакуя глоток вишневой крепкой жидкости. – Только вот с кем?..»

– Где тут ресторан? – спросил он. – Мне намекали насчет обеда.

– Сейчас не советую, – сказал Феликс, глянув на часы. – Там переселенцы. Новая партия – человек пятьсот. Будешь два часа свободный столик ждать. И еще час – официанта.

– И что, больше негде поесть?

– Есть служебный ресторан для внутреннего персонала базы, куда тебя не пустят. И есть несколько кафе, но там придется платить.

– Ну, заплачу. Чай не бедный.

– Не ходи. Порции там карликовые, а вот цены... Туда вообще-то люди пить ходят, а не есть.

– Пить мне еще рано. Может быть, вечером покажешь, где можно хорошо посидеть?

– Конечно! – радостно рассмеялся Феликс. – Уж в этом не сомневайся.

– Договорились. А пока расскажи, кто такой Мелоян.

– О-о! – Феликс картинно приложил палец к губам. – Здесь он царь и бог земли и космоса.

– Он командует этой базой?

– Нет, конкретно базой командует комендант. А Мелоян вершит судьбы целого Сектора: у него шесть таких вот баз, два десятка обитаемых миров и целая космическая флоти-

лия. В том числе боевые суда.

– Что-что? У корпорации есть боевые суда? Что за бред?

– Почему бред? Я их видел. На борту – эмблема «Русского космоса» с перекрещенными мечами. И выглядят очень внушительно.

– Ну, ясно, – рассмеялся Сенин. – Это не боевые суда. Это грузопассажирские транспорты для перевозки личного состава и техники службы безопасности. А нарисованные мечи пусть тебя не пугают. Это все цацки и бутафория. Тяжелого вооружения там нет и быть не может.

– Ну, не знаю... – проворчал Феликс. – Слушай-ка, а почему тебя заинтересовал Мелоян?

– Мне сказали, что он меня примет для собеседования.

– А-а... – поскущел Феликс. – На это ты зря рассчитываешь. Это лишь необязательная формальность. В лучшем случае поболтаешь с каким-нибудь третьим замом. Нужна очень серьезная причина, чтобы эта богоподобная фигура потратила на тебя хотя бы минуту.

– А ты не преувеличиваешь его богоподобность? – довольно резко ответил Сенин. – В конце концов, Вселенная принадлежит не «Русскому космосу» и не этому Мелояну лично. То, что он администрирует несколько стационарных баз...

Он примолк, потому что Феликс покачал головой и прижал палец к губам. Теперь уже безо всякой театральности.

Сенин понимающе кивнул и сделал успокаивающий жест. Но раздражение осталось. Не привык он ломать шапку перед

штатскими, и не скоро привыкнет. По крайней мере, он так думал.

А в следующую секунду раздался навязчивый писк. Сенин долго рылся в карманах кителя, пока не нащупал радиобрелок. Звук был негромкий, рассчитанный только на хозяина устройства, однако Феликс притих и тоже услышал:

– Инспектор Сенин? Это приемная господина Мелояна. Начальник Сектора ожидает вас. Срочно.

Рука Сенина сама по себе потянулась к кителю. Куда-то сразу спряталось ухарское пренебрежение к начальству. Немое изумление на лице Феликса, естественно, ничуть не обнадеживало.

* * *

Сенин торопился по коридору, лихорадочно вспоминая, что от него может пахнуть ликером, что не брызнул лаком на ботинки и что даже не захватил личную папку, которая может понадобиться. Все это вылетело из головы в суматохе.

В приемной он Мелояна не застал. Там сказали, что тот только что пошел к связистам. Но у связистов большого босса тоже не оказалось, и оттуда направили в аналитический центр.

И уже на дистанции между приемной главного энергетика и офисом финансового бюро ему, наконец, показали Мелояна – смуглого стремительного крепыша в белой сорочке,

который прямо в коридоре давал взбучку кому-то из подчиненных. Рядом почтительно застыл молодой человек – видимо, референт.

Сенин встал рядом в ожидании своей очереди.

– ...ясно было сказано: керамику выкладывать по второй схеме! Почему выложено по пятой? Вы там неграмотные? Вы не различаете простые цифры? Не надо мне говорить про допуски надежности, я сам разбираюсь в допусках. Свое мнение можешь изложить своей бабушке, а не мне. И углы сопряжения определяет не твое мнение, а длина волны, ясно? Лучше скажи, через сколько месяцев мне придется оплачивать монтаж новой оболочки?..

Сенин терпеливо выждал, когда большой босс выпустит пар.

– Я Сенин, – доложил он референту.

– Сенин подошел, – тихо передал тот шефу.

Мелоян с недоумением обернулся, потом с еще большим недоумением оглядел полицейскую форму.

– И что?

– Капитан в отставке Сенин, инспектор службы безопасности, – внес ясность Сенин.

Мелоян поскреб лоб.

– Сенин! Точно. Ты мне нужен, пойдем.

Он быстро повлек Сенина по коридору, мгновенно отрешившись от неправильно выложенной керамики.

– Ты ведь командовал штурмовой полицейской группой?

– Последние три года, – подтвердил Сенин.

– Это хорошо... Ты-то мне и нужен, Сенин. Дело вот в чем... Постой-ка...

Разговор на ходу не получился, потому что Мелоян через каждые пять шагов останавливался и решал с каждым встречным какие-то вопросы. Пока шли, Сенин узнал, что на Новом Сахалине неправильно предсказали погоду, и челноки с энергоблоками не могут сесть, что теплоноситель с «Луны-4» не подходит для «Луны-6», что ребята с какого-то «Посейдона» отказались работать с каким-то Лякиным, что на Силикате подвели азотные фильтры и что инверсионные двигатели сейчас выгоднее продавать, чем покупать.

Оказавшись в кабинете, Мелоян рухнул в гостевое кресло и запрокинул голову, переводя дыхание. Сенин осмотрелся. Над столом висела огромная звездная карта с подсветкой и голографическими метками. Судя по их количеству, корпорация застолбила уголки во всех освоенных районах Галактики. Над картой горели эффектные алые буквы: «МЫ В ОТВЕТЕ ЗА МИРЫ, КОТОРЫЕ ПОКОРЯЕМ».

– Так, Сенин. Слушай меня... Ты обедал?

– Нет еще, – несколько удивленно ответил Сенин.

Мелоян вызвал референта.

– Организуй обед на двоих, быстренько. И пусть Макреев зайдет.

«О, нет! – подумал Сенин. – Спасибо, конечно, за такую честь, но хотелось бы просто пожрать. Просто набить пузо.

А не звякать вилочкой о фарфор, повязав слюнявчик и боясь лишний раз икнуть».

– Мне нужен командир группы активной разведки, – сказал Мелоян. – Срочно. Прямо сейчас.

Сенин даже не успел понять, кому это сказано и что имеется в виду. То ли шеф вызывает еще кого-то в кабинет, то ли...

– Тебя уже назначили? – спросил Мелоян.

– Предложили руководить тактическим полигоном.

Мелоян оглядел Сенина с головы до ног, кажется, впервые.

– Тебя – на полигон? – Он вздохнул и качнул головой. – Пенопластовые манекены на стрельбы выдавать?

Вошел Макреев – худощавый бесцветный тип в наглухо застегнутом деловом пиджаке. Он сел где-то в углу и уставился в одну точку, ничем себя не выдавая.

– Дай ему, – сказал Мелоян.

Макреев протянул Сенину бланк с красной полосой и логотипом гиперпочты. Все терпеливо ждали, пока он прочитает.

– И что скажешь? – нарушил молчание Мелоян.

– Сначала хотел бы послушать вас, – уклонился Сенин.

– Что тут слушать? Какой-то кретин прорвался к гиперпередатчику на основной базе Торонто-9, умудрился его включить, не умея им пользоваться. Прислал информационный массив, в который влезла бы вся история человечества в кар-

тинках, посадил генератор. При этом умудрился ничего не сообщить. Даже своего имени. Тем не менее, это сигнал тревоги, на который как-то надо реагировать.

– Может быть, стоит повторно связаться с Торонто? – деликатно предложил Сенин.

– Связались, парень, конечно, связались. Сожгли уйму электричества, но связались. Губернатор лично нам ответил, что у них все в порядке. А когда спросили про автора этого вот... – он ткнул пальцем в сообщение, – начал мямлить.

– Может, действительно, недоразумение.

– Может или не может, мы все должны знать точно. В освоение Торонто вложены немыслимые деньги, поселение только-только введено в товарно-денежные отношения. Не дай бог, если там что-то пойдет не так, а мы прошляпим... Вот я тебя и спрашиваю: какие есть мысли, что это может быть?

Сенин еще раз глянул на бланк, остановив взгляд на формулировках типа «это они психи чертовы», «волосы дыбом» и «схожу с ума».

– Странная стилистика для гиперсообщения. Сразу наводит на мысль о чьих-то больных мозгах.

– Ты молодец, конечно, но мы и сами об этом подумали в первую очередь, – кисло усмехнулся Мелоян. – Что еще? Подумай хорошо, привлеки свой опыт.

– Воздействие галлюциногенной флоры... Там есть опасные животные или бактерии?

– Ты не о том думаешь, Сенин. Об этом до тебя подумали, еще когда готовили мир к заселению. И с животными там небогато – прохладное местечко. Ты ищи человеческий фактор.

– Ну, может быть, месть или недовольство со стороны работников...

– Все это, конечно, интересно, – потерял терпение Мелоян. – Но допуск к гиперсвязи не доверяется слюнтяям, психам и обиженным. А только надежным проверенным людям. И чтобы включить передатчик, нужно знать определенный минимум.

– А что можно определить по коду доступа? – спросил Сенин, взглянув на гриф сообщения.

– Проверяли, – махнул рукой Мелоян. – Это коллективный пароль какой-то профессиональной гильдии. Некоторым специалистам под очень строгую расписку дается пароль на случай критических ситуаций.

– Каким, например? – спросил Сенин.

– Ну... медикам, ксенобиологам. Юристам даже. Но в моей практике не было случая, чтобы какой-то чертов наемник полез в гиперканал через голову администрации. Ты вообще представляешь, что такое гиперсвязь?

Сенин представлял. На летающих базах отключалось все энергоемкое оборудование, и даже меркли лампочки в галюнах, когда начинал работать передатчик. Такая чудовищная требовалась энергия. Зато большие информационные

массивы можно было передавать на любые расстояния почти мгновенно. Буквально минут за тридцать.

– Что из себя представляет сама база? – спросил Сенин.

– Основана пять лет назад. Полторы тысячи населения, статус префектуры еще не присвоен. Несколько промышленных установок – точная электроника, топливные компоненты, суперпроводники... Ты все прочитаешь в документах.

– Как я понял, все производства вредные.

– Зато рентабельные, Сенин! А что ты хотел? Там полторы тысячи человек, и каждый кушать хочет. Прикажешь им матрешки расписывать? Или думаешь, мы их кормить будем до скончания веков?

– Я ничего такого не говорю, – вежливо, но твердо заметил Сенин, – я просто обращаю внимание на источники повышенной опасности. И хотел бы заранее узнать обо всех. Может быть, какие-то события предшествовали всему этому? Что там происходило последнее время?

– Да ничего там особенного не происходило. Последняя новость – запуск лептонного генератора. Все прошло спокойно и организованно.

– У них есть лептонный генератор? – удивился Сенин.

– Да, он понадобится для питания климатических станций. Там прохладно, а сельское хозяйство как-то надо поднимать. Так, все, хватит гадать. – Мелоян решительно встал и прошел за свой стол. – Все равно нужно отправляться на место и там проверять. Ситуация серьезнее, чем кажется. У

меня в гостинице три сотни переселенцев, ждут отправки на Торонто-9. Если в сообщении будет правды хоть на полмильцина, а мы без разведки сбросим туда триста душ... – Он развел руками.

– Все понятно, – кивнул Сенин.

– Берешься? Только учти, думать некогда.

– Берусь. – В душе Сенин чувствовал облегчение, ибо жизнь обретала знакомые черты.

– Вы полетите вместе с поселенцами, – подал голос до того безмолвный Макреев. Голос у него оказался тихим и невыразительным, как шорох туалетной бумаги. – Транссистемный лайнер «Форум» отправляется через тридцать два часа. Кроме вас, в группе будет еще четыре человека. Группа активной разведки не является постоянным формированием, ее собирают по мере необходимости. На период выполнения задания вы будете ее командиром...

– Это, между прочим, твой непосредственный начальник, – сообщил Мелоян, указав глазами на Макреева. – Мой советник по безопасности.

– Я догадался, – учтиво кивнул Сенин. – Я только одного не понял, насчет своей команды. Как мне брать на себя ответственность за людей, о которых я ничего не знаю? Как мне им доверять в критической обстановке?

– Ну, насчет критической обстановки ты не преувеличивай, – предостерег Мелоян. – Ты там сразу в бой вступать собрался? Я понимаю, конечно, вас, полицейских хлебом не

корми, только дай кому-нибудь в морду захватить. Только сейчас другой случай, никаких боевых действий. Вы – ревизоры, и вам нужно максимально корректно и тихо произвести проверку сигнала.

– Лайнер выйдет на орбиту, после чего вашу группу сбросят на невозвращаемом модуле «Скиф», – продолжал шуршать Макреев. – У вас двенадцать часов, чтобы проверить обстановку на базе. Если все в порядке, лайнер отпускает платформу с поселенцами и идет дальше по маршруту. Если какие-то проблемы, поселенцы остаются на борту. А вы ждете эвакуации.

– Смотря какие проблемы, – вставил Мелоян. – Отмена высадки трехсот поселенцев – не шутка. Тщательно все проверь и согласуй с капитаном лайнера и губернатором.

– Я знаю порядок, – сказал Сенин.

– И найди мне того мерзавца, который нам все это устроил. – Мелоян хлопнул ладонью по бланку сообщения. – Спусти шкуру и с него, и с его гильдии. По закону, любая гильдия обязана гасить мне все материальные издержки, связанные с их бестолковыми специалистами.

– Не все, – деликатно уточнил Макреев. – Только если сигнал тревоги окажется пустышкой.

– Если, если... – проворчал Мелоян. – Сплошные «если».

– У вас не так много времени, инспектор Сенин, – продолжал Макреев. – Советую прямо сейчас идти в канцелярию и начинать оформление всех формальных процедур. Не

забудьте о вакцинации. Впрочем, без нее вас и не пустят на борт. Что касается вашей команды, то с ней вы познакомитесь уже на борту «Форума». Идите, Сенин.

«А как же обещанный обед?» – подумал Сенин, покидая кабинет.

Макреев долго смотрел ему вслед, храня напряженное молчание.

– Что-то не так? – спросил Мелоян.

– Не знаю, – покачал головой советник. – Мы его первый раз видим – и уже отправляем командовать разведгруппой. Не проверенного и, по сути, ненадежного человека.

– Успокойся, Макреев, он и надежный, и проверенный. Его досье тщательно изучено твоим же ведомством. Нормальный служака. Сейчас присягнет корпорации – и будет работать, как шелковый.

– Я тоже так думаю... вернее, надеюсь. Но я привык все подвергать сомнению, а сомнениями я делюсь с тобой. Как и положено советнику.

– У этого парня есть несколько ценных качеств. Он не только быстро бегает и высоко прыгает. Он еще и имеет навыки предварительного дознания. А потому это самая лучшая кандидатура из всего, что у нас есть под руками. Возможности наших людей нужно использовать эффективно.

– Я все понимаю. Но я бы поискал кого-нибудь еще, будь другой случай...

– Дорогой мой! – рассмеялся Мелоян. – Я б тебя само-

го туда отправил, будь другой случай. Но сам видишь: еле-еле собрали группу. А этих твоих тюленей, которые привыкли только начальству двери открывать, я командовать не поставлю.

– Может, ты и прав. Ладно. Раз уж дело пустяковое... Пусть слетает, заодно и себя покажет. И все-таки я скажу ребятам, чтобы там к нему присмотрелись.

– Может, ты боишься, что он начнет стучать бывшим коллегам?

– Стучать? Думаю, он обязательно попытается стучать. – Макреев впервые улыбнулся. – Да только кто ж ему позволит что-то здесь узнать?

* * *

На борту «Форума» Сенину была отведена двухместная каюта второго класса. Именно в таких путешествовали рядовые работники корпорации. Переселенцы с бесплатными визами мариновались в «конюшнях» человек на десять-пятнадцать.

Каюта мало чем отличалась от гостиничного номера, поэтому Сенин уже привычно бросил сумку в шкаф и включил внутреннее радио. Играла легкая музыка, нежный женский голос объявлял фазы подготовки к старту.

Снимать форму и падать на кровать он не торопился, поскольку ждал гостей. Ровно в назначенный час они пришли

– четверо молодых рослых парней в серой униформе, с эмблемами «Русского космоса» и перекрещенными мечами на рукаве. Пришли, тихо расселись и превратились в само внимание.

Сенин знал, что взаимоотношения с его новыми бойцами зависят сейчас от того, как он себя покажет в первые минуты. И не важно, строптивые ему попались люди или, наоборот, сама лояльность и покладистость. Если в первые минуты вложишь в человека правильный заряд, он будет думать о том, как угодить командиру. Если провалить первый разговор, у него появится другая настройка – как сделать дело поскорей, да отвязаться от командира.

Они интеллигентно представились. Самого здорового звали Гордосевич, у него были поставленные «домиком» брови, и это придавало ему удивленный и немного обиженный вид. Следующий – Вельцер, блондин с тонкими чертами лица и при этом с огромными кулачищами. Еще был узкоглазый наголо стриженный Муциев, из-под воротника которого выглядывала цветная татуировка. И наконец, Карелов – самый старший из всех, даже с легкой сединой. Довольно скромного и смиренного вида. Сенин сразу подумал, что Карелов – такой же отставной полицейский, присягнувший «Русскому космосу».

– Первый раз в жизни, – сказал Сенин, – я десантируюсь в зону бедствия с людьми, которых до этого никогда не видел...

– Предполагаемого бедствия, – деликатно поправил блон-

дин Вельцер.

– Что-что? – нахмурился Сенин.

– Я говорю, что угроза бедствия пока только предполагается, и мы еще сами не знаем, что там на самом деле.

– У нас теперь принято перебивать командира?

– Извините, – смутился Вельцер.

– Тем не менее, это правда. Мы летим неизвестно куда, а я вдобавок – неизвестно с кем. Позже мы, конечно, хорошо познакомимся, я узнаю о ваших сильных и слабых сторонах, вы расскажете мне о своих увлечениях, тайных мечтах и проблемах внутреннего мира. Но сейчас на это нет времени. Исходя из этого, я устанавливаю следующую схему нашего поведения. Во-первых, мы безоговорочно выполняем все правила, предусмотренные для операций подобного рода. Во-вторых, вы делаете все, что я говорю, и именно так, как я говорю – не быстрее и не медленнее, не лучше и не хуже. В-третьих, до окончания операции мы подразумеваем, что находимся на потенциально опасной территории, и ни на минуту не расслабляемся.

Сенин говорил и переводил взгляд с одного на другого. Для первой ознакомительной встречи он действовал достаточно жестко, а потому ждал сопротивления. Или хотя бы молчаливого протеста. Он готовился этот протест так же жестко подавить.

Но на лицах слушателей ничего нельзя было прочитать. Сплошное доброжелательное внимание.

– Все знакомы с правилами высадки в зону бедствия?

Кивают.

– Все имеют свидетельства по основам связи, транспорта, безопасности и медицинской техники?

Все имеют.

– Очень хорошо. Можете как угодно относиться к этому заданию, но моя цель – выполнить его и вернуть вас на базу живыми и здоровыми. За пятнадцать лет службы я потерял троих товарищей. Все они погибли по одной причине: в какой-то момент перестали правильно оценивать ситуацию. У кого есть вопросы? Нет вопросов? Тогда оглашаю последнее правило: несмотря ни на что, я являюсь вашим товарищем, к которому вы можете в любое время обратиться за любой помощью.

В глазах слушателей блеснуло любопытство. Как подозревал Сенин, в корпорации товарищеские отношения с начальством считались извращением. Что-то вроде интима с родной бабушкой.

Впрочем, традиции большого бизнеса и паркетный этикет Сенина сейчас мало заботили. Поблизости не было ни одного письменного стола, зато был злой холодный космос и неизвестность. Вот что главное.

– Скажите, – подал голос Карелов, – а как вас называть?

– Как угодно. Можно по имени, на «ты». Как удобнее для дела.

– Еще вопрос. – Это был лысый Муциев. – Можно узнать

подробнее про ваших трех товарищей? Которых вы потеряли. Извините, если...

– Ничего, я отвечу. Один в шутку направил оружие на товарища и получил пулю в ответ. Другой захотел помочиться с края пусковой башни и был застигнут подземным толчком. Еще один просто зазевался и попал под пятитонный вездеход. Нужны подробности?

– Да нет...

– Как видите, нет никакой доблести в том, чтобы погибнуть на службе. Даже от пули. И даже от вражеской пули. Вы свободны. Готовьтесь к старту, а позже мы еще встретимся и обсудим детали операции.

Оставшись один, Сенин попытался критически оценить свое выступление. Впечатление произвел, это уж точно. Ребята, кажется, даже напуганы – и его манерами, и зверской физиономией.

Только не перегнуть бы палку. Вообще-то тяжело работать, когда подчиненного даже выmaterить толком нельзя. Хотя, не исключено, что можно. Это станет ясно со временем.

Его раздумья прервал дверной сигнал.

– Разрешите?

Это был Карелов.

– Прошу, – сказал удивленный Сенин.

Гость сел и некоторое время молчал. Сенин не мешал ему собраться с мыслями.

– Вы, насколько я знаю, недавно в этой должности, да и в корпорации вообще.

– И что?

– Я целиком поддерживаю все, что вы нам сказали. Я все понимаю, и сам привык к делу относиться серьезно. Но хочу предостеречь от некоторых ошибок в общении с нами.

– Ну, понятно... – усмехнулся Сенин.

Карелов настороженно взглянул на него. Похоже, испугался, что его не так поняли.

– Давай-ка начнем общение с того, что перейдем на «ты», – предложил Сенин. – Тем более, ты старше меня.

– Да, хорошо, – не очень уверенно согласился Карелов. – Хотя, вряд ли я старше, просто... – он махнул рукой.

– Ты ведь тоже служил?

Гость кивнул.

– Чувствуется. И тоже в полиции?

– Нет, я... А разве вы... разве ты не смотрел наши дела?

Чувствовалось, с каким трудом ему дается это «ты». «Вот же замордовали человека», – подумал Сенин.

– Как раз собирался посмотреть, – сказал он.

– Ну, там все увидите... Увидишь.

– Так что там насчет общения.

– Да-да. Дело в том, что в корпорации принят более демократичный стиль, чем в военизированных формированиях. Это касается и нашей сферы – безопасности.

– Очень интересно. Значит, я не отдаю приказ, а выношу

его на голосование?

– Не совсем. Просто не спешите... не спеши с приказами. Придавай им форму предложения. Интересуйся, какие мысли есть у других. Создавай условия для коллегиальных решений. Это очень хорошо скажется на микроклимате в команде.

Сенин не выдержал и расхохотался. Карелов смущенно замолчал.

– Лет пять назад я и сам бы так смеялся, – сказал он. – Но есть вещи, от которых будет не смешно. По окончании миссии каждый из нас должен написать подробный отчет. И дать оценку каждому члену группы. В этой ситуации лучше не настраивать против себя людей.

– Я знаю про отчет. Думаю, лучший отчет – хорошо выполненное задание.

– Это ты так думаешь. Здесь все не так. Знаешь систему «Протокол»?

Сенин знал. И ненавидел так же, как и все полицейские. Ее называли «око начальниково». Миниатюрная камера устанавливается на шлем, и еще одна – под ствол оружия. Изображение с первой камеры записывается в электронную память с частотой около двух кадров в секунду. Та, что под стволом, работала в хорошем качестве и разрешении, и включалась нажатием на спусковой крючок. Это очень помогало устанавливать истину и разбираться в последствиях той или иной проблемной полицейской операции. Нема-

ло парней рассталось с погонями благодаря системе «Протокол».

– У нас у всех будет система «Протокол». И от того, что будет ею записано, зависит вознаграждение каждого.

– Вот оно как, – проговорил Сенин. – Выходит, будем не о задании думать, а кино снимать. У кого лучше получится, тому и главный приз.

– Не совсем так, все сложнее. Еще раз повторю, я всецело на твоей стороне. Но в этой сфере надо быть осторожным, нужно соблюдать неписанные законы и обдумывать каждый шаг.

Сенин с досадой поморщился. Ведь Карелов, пожалуй, знает, что говорит. Впрочем, смотря про какие законы идет речь. Сохранять свое достоинство не менее важно, чем быть паинькой в глазах начальства.

«Любопытный персонаж», – подумал Сенин, когда гость ушел.

Он сел к терминалу и нашел личные дела своих бойцов. Итак, Карелов Герман. Надо б запомнить имена, потому что не дело называть своих ребят по табличкам на груди. Год рождения... действительно, на четыре года моложе. Последнее место работы...

Сенин удивленно присвистнул. Последним местом работы у Карелова был Федеральный суд. Непростой человек оказался. Впрочем, может, он и в суде работал, как здесь, – на дверях стоял.

По поводу должности почему-то никаких данных не оказалось. Сенин нашел лишь такой странный факт: прослужил пять лет, уволен по собственному желанию с сохранением восьмидесяти процентов специальной пенсии.

Картинка не складывалась. Для восьмидесяти процентов пенсии слишком короткий срок службы в этом сугубо канцелярском учреждении. Даже если учесть командировочные, «летные», где месяц идет за три. Может, ранение, инвалидность? Но тогда он не прошел бы кадровые фильтры корпорации.

В следующую секунду до Сенина дошло. Только одно ведомство Федерального суда отправляло своих работников на пенсию через шесть лет. Это СИН – Служба исполнения приговоров. Федеральные киллеры, которые летали по всей Вселенной и искали заочно приговоренных к смерти. Ничего себе, подкинула судьба попутчика!

Сенин встречал этих ребят, которые, на первый взгляд, не отличались от обычных работяг – геологов, строителей, техников. Он знал, что на форме, которую они никогда не одевали, у них имеется буква «Н», что означает «неотвратимость». И песочные часы, которые так же олицетворяли неотвратимое течение времени. Говорили, что от них вообще нельзя спрятаться.

Ты подумай! А ведь такой скромный на вид. Что ж, будем иметь в виду.

Не откладывая в долгий ящик, Сенин просмотрел списки пассажиров лайнера и без труда нашел то, что искал. Его новый знакомый – социопсихолог Феликс Рубен – также был на борту. Что и неудивительно. Не так много через базу проходит транспортов дальнего следования.

Через несколько минут они встретились на смотровой площадке, обнявшись, как старые знакомые. Сейчас здесь собралось немало пассажиров, чтобы заказать мороженое и полюбоваться, как «Форум» будет отделяться от шлюзов.

– Ага, уже переоделся! – отметил Феликс, взглянув на новую форму Сенина.

– Старая форма мне больше нравилась, – ответил Сенин.

– На старой было больше блестящих штучек? Я заметил, что только женщины и военные так любят украшать себя побрякушками.

– Женщины – может, и любят. А военные просто выполняют устав.

Феликс на это лишь хитро рассмеялся.

– Я сгораю от нетерпения, – сказал он. – Зачем тебя позвал божественный Мелоян?

– Так, познакомиться. И не такой уж он божественный. Заодно первое задание дал.

– Для этого он с тобой встречался? Что же это за задание

– спасти Вселенную?

– Нет, я... Я сопровождаю переселенцев.

– Ну, что ж, работенка непыльная. Уже присмотрел себе кого-нибудь?

– В каком смысле?

– Ну... – Феликс игриво повел вокруг глазами. – Надо же чем-то заняться в полете.

– А-а, вот ты о чем...

Они замолчали, разглядывая женщин. Переселенцев было видно сразу, их выдавали какие-то разрозненные неуловимые признаки. То ли волнение и легкий испуг, то ли решимость в глазах, то ли наоборот, подавленность и ощущение последнего шанса.

Было очень много молодых пар, но и одиночек обоих полов тоже хватало. Почему-то они не объединялись в группы, не веселились, не смеялись. Каждый в тихом одиночестве встречал начало своего пути. Для кого-то, наверно, – самого важного пути в жизни.

– Куда летят, зачем летят?.. – подал голос Сенин. Он живо вспомнил неприветливую атмосферу заселяемых миров – лязгающая техника, горы щебенки, сквозняки, влажное постельное белье, еда с привкусом металла.

– Они знают, куда и зачем, – сказал Феликс. – Не нам их судить.

– Мы-то с тобой птицы перелетные, а этот молодняк просто не знает, что ждет его там. Ведь миграционная карта да-

ется бесплатно, а вот на обратный билет заработаешь очень нескоро.

– Они мыслят другими категориями. И им не нужен обратный билет.

– Сейчас не нужен, а потом?

– Это будет потом. А я смотрю на них и думаю, что только распространение человечества во Вселенной не позволило ему заплыть жиром и сожрать самого себя. У людей наконец-то появился выход из тесной душной комнаты, в которую превратилась старушка Земля. Появилось дело, понимаешь? Дело с большой буквы. Наконец-то мужчина может почувствовать себя мужчиной.

– А женщина?

– А женщина – матерью и хранительницей очага. Но не инкубатором для производства новых безликих существ с заранее уготованной судьбой. Ты же видел – там мужчины носят на поясе большие ножи. Ты представляешь себе место на Земле, где можно показаться с ножом на поясе? На Земле не нужен нож, там и так все порезано на дольки.

– Романтика, – усмехнулся Сенин. – А сам говорил, что лечишь людей от наивности.

– Романтика и наивность – разные вещи. Наивность – это неготовность к трудностям. И от этого, конечно, никуда не денешься, таковы люди.

Сенин почти залюбовался своим приятелем. Распалившись, тот, кажется, впервые примерил свое истинное лицо.

Он уже не изображал из себя прожженного гуляку по Вселенной, из него больше не сочились цинизм и ехидство. Кажалось, еще минута – и из его уст посыплются такие понятия, как долг, верность, служение, справедливость.

– Дружище, а сам-то ты давно не бывал на Земле? – спросил Феликс.

– Бываю время от времени.

– И наверно, ни черта не видишь.

– Что я должен был увидеть?

– Да то, что там тоска! Там у людей нет шансов. Они идут след в след маленькими шажками и разучились даже надеяться на что-то. Там судьба предопределена. Там можно прожить жизнь и не вспомнить ни одного мало-мальски интересного события. Люди развлекают себя какими-то несусветными шоу, какими-то препаратами, странными играми... Ничего настоящего! Вот тебе цивилизация, вот тебе культура и порядок. И неудивительно, что твои земные коллеги то и дело заняты поисками очередного маньяка-психопата. Потому что оно прет из людей.

– Что «оно»?

– Оно... – Феликс непроизвольно пожал плечами. – Что-то такое... Наверно, жажда силы, скорости.

– Готов все это понять, – кивнул Сенин, – но я четко знаю одну вещь. Когдаходишь с большим ножом на поясе, вдоволь накатаешься на вездеходе и нажрешься полусырого мяса – нестерпимо хочется в тепло, в мягкое кресло, к хорошо

усвояемой пище. Я проходил это тысячу раз. Что бы ты ни говорил, человеку все равно нужен комфорт, и он стремится создать себе этот комфорт.

– Да я и сам люблю комфорт, – чуть утих Феликс. – Но я не думаю, что смогу до смерти просидеть в этом комфорте, как овощ. Я ведь к тому и веду, что человеку нужно быть в движении, но не в вечном, а от одной цели к другой. Обрати внимание, уже пошла вторая волна миграций. Ты ведь, наверняка, уже везде побывал, а значит видел и Небесный Орлеан, и Архипелаг Цветов. Там стоят большие города, на улицах ездят такси, работают рестораны, ходят вежливые полицейские – вот он, комфорт! Но и оттуда уже бегут люди. Им там тесно, хотя вокруг неосвоенные континенты! Летят дальше, хотят двигаться. Конечно, не обходится без разочарований, но...

– Верю, верю! – Сенин поднял руки, останавливая его. Он протяжно вздохнул. – О чем мы, собственно, спорим? Просто я уже наелся всего этого по горло, а они... – Он обвел взглядом вокруг себя и кисло усмехнулся.

– Ну, ладно, – произнес Феликс спустя минуту. – Расскажи хоть, куда везешь своих переселенцев. Если не секрет.

– Пожалуй, не секрет. Торонто-9. Бывал там?

– Нет, не приходилось. Это новое поселение?

– Мне говорили, пять лет от роду.

– Мне там пока делать нечего, – пренебрежительно махнул рукой Феликс. – Это общество еще не созрело для соци-

альных катаклизмов.

– А какое созрело? Куда ты отправляешься?

– Розовый Бомбей. Красивое место, знаешь, наверно?

– Да, знаю. И что там, созрел катаклизм?

– Не знаю. Пока просто профилактическое исследование.

– Странно как-то это. Фирма называется «Русский космос», а поселения – то Бомбей, то Торонто.

– Да чего ж тут странного? Нет никакого русского космоса и нет американского космоса. Равно как нет страны Россия и страны Америка. А есть страна «Ай-Би-эМ» и есть страна «Митцубиси». Есть страна «Дженерал Моторс» и есть «Норвэй Спейс Агрегатс». И есть страна «Русский космос», гражданином которой ты недавно стал. Сегодня люди живут не в географических границах, а в финансовых потоках. Кстати, Федерация в этом ряду небольшое такое княжество. Так же вкладывает деньги и получает прибыли.

– Я бы не сказал, что небольшое.

– А, ну да! Возможностей у нее побольше – законодательные органы, полицейская сеть, огромный флот, армия.

– Вообще-то, у Федерации нет армии, – поправил Сенин.

– Ну, не армия, – отмахнулся Феликс. – Эти ваши полицейские отряды – чем не армия?

– Разница все-таки есть. Ты опять путаешь понятия.

– Между прочим, странно мне все это. Любое карликовое поселение спешит образовать отряд самообороны или хотя бы оборонный комитет. А у Федерации нет армии. И челове-

чество пошло покорять космос на полицейском броневичке.

– Да, потому что у любого поселения теоретически могут появиться внешние враги. А у человечества в целом их нет. Мы одни во Вселенной.

– Насчет всей Вселенной я бы не торопился так утверждать. Разве мы везде побывали? Между прочим, я знаком с человеком, который коллекционирует загадочные артефакты. Все эти кварцевые спиральки, полосатые шарики, пластинки со знаками... Впрочем, бог с ним, никакие зеленые человечки нам пока не угрожают...

Сенин с любопытством посмотрел на собеседника.

– Ты так говоришь, будто знаешь другого врага.

– Я... скажем так, догадываюсь, кто может им стать.

– Ну-ну, очень интересно.

– Да вот они. – Феликс обвел руками смотровую площадку, где переселенцы прилипли к окнам в ожидании старта. – Они, вернее их дети и внуки, станут врагами Федерации.

– Вот они? Эти счастливые первопроходцы с горящими глазами?

– Да-да! Вскоре они там освоятся, понастроят теплых гнездышек, накопят жирок, и мозги их освободятся для мыслишек. И через какое-то время решат, сидя за пивом, что Федерация берет слишком большие налоги и сочиняет слишком строгие законы, что корпорации все гребут под себя и не дают самостоятельно развиваться. И вот тебе, пожалуйста! Где-то вылупится маленький диктатор, где-то начнут

устанавливать орудия на почтовые рейсеры.

«Интересно, – подумал Сенин, – почему врачи всегда пугают эпидемиями, синоптики – ураганами, а историки – революциями. Наверно потому, что все хотят стоять перед лицом какой-нибудь ужасной угрозы. Вернее, хотят так выглядеть. А сдерживать реальную угрозу все равно приходится другим. Мне вот, например».

– Откуда такие мрачные предзнаменования? – произнес он. – Есть информация?

– Нет, всего лишь уроки истории. Испокон веков люди не объединялись, они только делили и делили общее. Сепаратизм – он в крови каждого человека, и он только ждет своего часа.

– Ну, наверно, тебе лучше знать, ты у нас специалист по лечению катаклизмов. Только я в своей крови никакого сепаратизма не чувствую.

– Это потому, что у тебя ничего нет. А вот поселишься в собственной усадьбе, тогда посмотрим, захочешь ли ты иметь назойливых соседей, которые указывают, в какой цвет тебе красить забор.

– Что-то, приятель, ты бросаешься из крайности в крайность. Так красиво воспевал переселенцев и тут же объявил их врагами. А совсем недавно – помнишь? – называл их наивными и утверждал, что им всем будет плохо.

– А в чем именно я был не прав? Разубеди меня! Да – кругом крайности, противоречия. Таков человек, таким я его

вижу после стольких лет изучения. Стоп... – Феликс непроизвольно схватился за поручни кресла.

Сенин и сам почувствовал, что корпус лайнера дрогнул. Они медленно отделялись от шлюзов. В обзорные окна стало видно, как база словно отваливается от них – исполинская железная башня опрокидывалась назад.

Стали видны нулевые уровни. Они напоминали обросшее ракушками днище – такое впечатление создавали мелкие суденышки, прилепившиеся к шлюзам.

Пока лайнер тащили на магнитах четыре маленьких буксира. В пятистах километрах от базы будет запущен двигатель. К этому времени все должны быть в каютах, потому что последует некая физико-астрономическая круговерть, из-за которой маленькие расстояния станут большими, а большие – маленькими; Сенин никогда не пытался вникать в эти подробности. Он знал только, что к ближайшей соседке Солнца Проксиме Центавра не подлетал ни один пилотируемый аппарат – почему-то она оказывалась слишком далеко от Земли. Зато в центр Галактики ходили регулярные рейсы, причем в полете можно танцевать, знакомиться, пить вино и отправлять сообщения близким.

Танцевать он не собирался, а вот передать Лизке последние новости про себя – это можно.

– Пора расходиться по каютам, – сказал Феликс. – Сейчас объявят.

– Пора, – согласился Сенин.

После непродолжительной паузы Феликс вдруг тонко усмехнулся.

– Все-таки, темнишь ты, приятель, – сказал он. – Не мог Мелоян тебя просто так позвать. Что-то у вас там происходит.

* * *

Невозвращаемый посадочный модуль «Скиф» хорош своей дешевизной и надежностью. Но больше ничем.

«Скиф» являлся прообразом самых первых спускаемых аппаратов, на которых в глубокой древности астронавты спрыгивали с орбиты на твердь земную. Толстая металлическая скорлупа, парашюты, элементы управления и примитивная, на уровне наручных часов, электроника.

Правда, со временем людям понадобилось спускаться с орбиты не только себя, но и полезные грузы, поэтому скорлупа значительно выросла в размерах. Например, модуль «Скиф-5» мог нести в себе даже тяжелый вездеход или катер. Справедливости ради стоит сказать, что за последние сто лет ни один «Скиф» не потерпел аварию.

На этом его преимущества исчерпываются. Все, кому приходилось падать с неба в раскаленном трясущемся коробе, при одном упоминании слова «Скиф» страдальчески морщились.

После удара о землю команда выползла из люка, поша-

тываясь и отдуваясь. Даже многоопытный Сенин, знавший жизнь не по тренажерам, не скрывал своего состояния. Он сел, усиленно массируя виски ладонями. По нормативам, десанникам давалось десять минут после такой посадки, чтобы привести себя в порядок и приступить к активным действиям.

У Сенина вестибулярный аппарат восстановился немного быстрее, чем у других. У Карелова, кажется, тоже. Впрочем, это могло быть субъективным впечатлением.

Сенин упруго поднялся на ноги и отошел на десяток шагов от остальных, осматриваясь. Стояло раннее утро, предрассветные сумерки. На небе проступали облака – длинные, остроконечные, как сосульки.

Вокруг простирались невысокие бугры, словно застывшее море. Здесь было холодно. В углублениях почвы сквозь чахлаю травку просвечивала снежная крошка. До базы – километров пятнадцать, оптимальное расстояние, чтобы в случае преследования запутать следы и вернуться пешком.

Сенин хотел почувствовать и запомнить здешний запах. Каждый мир имеет свой запах, и это самый верный признак, позволяющий отличить одну планету от другой. Потому что все новые базы похожи друг на друга. Природа – она отличается, но только при детальном рассмотрении. А вот запах – он везде совершенно разный. И, если однажды его запомнишь, то потом, даже спустя годы, можно сделать один вдох – и сразу все вспомнить. Ни картинка, ни звук почему-то не

могли так живо и быстро поднимать на поверхность старые наслоения памяти.

Неподалеку что-то зашевелилось. Зверек, похожий на небольшую собаку, выполз на вершину бугра, отряхиваясь от снега и мусора. Он хромал на все четыре лапы и выглядел жалко и безобидно. Заметив Сенина, настороженно застыл. Тот тоже не шевелился.

Здесь, в царстве холода и ветра, растения не получали достаточной жизненной энергии от земли и солнца. Поэтому очень многие из них питались живой плотью. Причем, не только насекомыми. Зверек, очевидно, запутался в колючках, которые изранили ему лапы и напились его крови. Однако выжил и смог уйти, а ведь мог бы так и остаться там. На первом же инструктаже Сенина предупредили, чтоб остерегался здесь бегать босиком по травке. Эта травка может исколечить взрослого человека и досуха выпить его тело дней за десять. Впрочем, на таком холоде босиком и не побегаешь.

Зверек повернулся и торопливо поковылял прочь.

– Разбиваем лагерь, – сообщил Сенин, вернувшись к дымящемуся корпусу «Скифа». – Гордосевич – надуваешь палатку и разбираешь кухню, Муциев и Карелов – налаживаете периметр. Как закончите, перекалибруйте приборы на местное время, коэффициент – один и семнадцать. Вельцер – поднимаешь антенну и докладываешь на «Форум» о нашей посадке. Потом прощупаешь эфир. Я займусь джипом.

Почему-то положенной в таких случаях суеты и беготни

не наступило. Сенин обнаружил, что все стоят и смотрят на него с крайним удивлением.

– В чем дело?

– Для чего это все – палатка, кухня? – недоуменно спросил Вельцер.

– Ты не знаешь, для чего у нас палатка и кухня?

– Нет, я знаю, но... Разве мы не остановимся на базе?

Сенин одарил блондина долгим, весьма выразительным взглядом.

– Напоминаю для забывчивых, – сказал он. – По прибытии в зону бедствия группа должна в первую очередь обеспечить собственную базу, поставить защищенный лагерь. Место, где при необходимости можно отдыхать, питаться и получать медицинскую помощь. И если нас перебьют по дороге, тебе, Вельцер, будет, куда вернуться, чтобы заклеить раны и связаться с основными силами. Это понятно?

– Понятно, но...

– Прекрасно. А теперь мне придется для каждого повторить, что мы не на прогулке. Мы находимся на потенциально опасной территории, выполняем все предписанные правила и подчиняемся всем моим требованиям. Еще есть вопросы?

Сенин заметил, что парни украдкой переглядываются. Наверно, думают, что старый полицейский пес решил поиграть в войну и погонять молодых через барьеры. Ладно, пусть думают, что хотят. Не хватало только переживать из-за их настроения.

– В таком случае, мы должны сделать еще кое-что, – не унимался Вельцер.

– Ну-ка.

– Включить систему «Протокол».

– Это еще зачем?

– Положено по правилам, – развел руками Вельцер.

– Хорошо, включаем «Протокол» и занимаемся делами.

«Им же платят за работу в кадре», – вспомнил Сенин. Он украдкой посмотрел на Карелова – нет ли у того в глазах немого укора. Вроде, нет, – работает парень, как все, таскает ящики, по сторонам не смотрит.

Чтобы вызволить на свет божий машину, пришлось поработать кувалдой. Есть такой замечательный инструмент в снаряжении любого «Скифа» – предназначен для выколачивания пригоревших замков на люках. Помахав кувалдой, Сенин согрелся и сразу почувствовал себя бодрее.

Чего нельзя было сказать о его команде. Пережив не самую мягкую посадку и оказавшись в безжизненном холодном пространстве, люди шевелились довольно вяло. «Надо будет перед выездом прогреть палатку и организовать горячий завтрак, – подумал Сенин. – Это их взбодрит».

Джип уже стоял на мерзлой почве. Песочного цвета, легкий и резвый, чуть приподнятый сзади, с широко расставленными подпружиненными колесами, он напоминал хищника перед прыжком. Сенин с удовольствием сел бы за руль, однако по правилам, командир десантной группы не должен

отвлекаться на вождение. Его дело – анализировать обстановку и принимать решения. В другой раз правилом можно было бы и пренебречь, но раз уж сам потребовал от других...

– Командир, – позвал его здоровяк Гордосевич. – Не можешь?

Пористая ткань палатки, с которой возился Гордосевич, на холоде стала жесткой и неподатливой. Сенин мог бы показать, как в одиночку натянуть ее и вставить распорки, но сейчас решил просто помочь. Пусть смотрят и учатся помогать друг другу в любой мелочи.

– Интересно, здесь всегда такая погода? – проговорил Гордосевич, зябко поводя плечами.

– Наверно, не всегда. Сейчас ведь ранняя осень.

– Значит, на курортный сезон мы опоздали, – резюмировал Гордосевич, и его вздернутые «домиком» брови огорченно шевельнулись.

– А ты сюда загорать прилетел? – усмехнулся Сенин.

– Нет-нет, – испуганно проговорил парень и на некоторое время примолк. Но ненадолго. – Командир, а ты в такой палатке жил?

– Очень часто. А ты нет?

– Я? Я вообще первый раз вот так, в чистом поле. Мы же всегда на базах останавливаемся.

– Заметно.

– Ты про Вельцера, что ли? Не обращай внимания. Он нормальный парень, просто любит права качать.

– Шел бы он тогда в профсоюз, там бы и качал... – проворчал Сенин.

За завтраком Сенин услышал в высшей степени странную новость.

– Эфир пустой, – растерянно объявил Вельцер.

Все с недоумением переглянулись.

– В каком смысле? – не понял Сенин.

– В прямом. Слышу только несущие частоты, маяки и прочий аппаратный шум.

– То есть аппаратура где-то работает, – уточнил Сенин.

– Работает. Но люди молчат.

– Ты пробовал вызывать?

– Конечно. Та же история. Автоматика откликается, но ни одного живого голоса.

– Может, магнитные бури? – подал голос Муциев.

Вельцер в ответ одарил его лишь мрачно-ироничной улыбкой.

– У этого должно быть объяснение, – спокойно проговорил Сенин. – Люди тут есть, они выходили на связь с промежуточной базой... правда, давно. Несколько дней назад.

– Я хочу сказать, что «Форум» с орбиты сбросил сюда информацию о нашем прибытии. Но и он ответа не получил. Там не придали значения, наверно, тоже подумали про какие-то магнитные бури.

– А кстати... – вспомнил Сенин.

– Да, – кивнул Вельцер. – У меня связь с «Форумом» нор-

мальная. Во всяком случае, была, потому что он, наверно, уже ушел за горизонт. Не хотят зря жариться на солнце.

– Когда снова будет связь?

– Можно выйти на него через навигационные спутники, но их тут всего девять. Ретрансляторов нет, потому что база только одна. Мне нужно перенастроить систему, потом просчитать маршрутизацию сигнала... Хотя, если сумеем использовать мощности базы...

– Ты можешь ответить, когда будет связь с «Форумом»? – потерял терпение Сенин.

– Или через полчаса, если успею на него настроиться, или часов через восемь, когда его увидят спутники.

– Полчаса или восемь часов... – Сенин напряженно забарабанил пальцами по шлему. – Хорошо бы передать на «Форум» то, что мы узнали. С другой стороны, передавать пока нечего. Информации-то у нас ноль... – Он остановился, сообразив, что его искания могут выглядеть как неуверенность.

– За восемь часов мы сможем все выяснить, – объявил он. – Выдвигаемся через... – Он взглянул на часы и понял, что забыл перенастроить их на местное время.

– Сейчас шесть-двадцать по местному, – подсказал Карелов.

– Отправляемся через двадцать минут. И заканчивайте скорее с едой, нам еще нужно пройти по карте.

«А ведь Вельцер мне в рот смотрит. Прямо-таки жрет глазами, – с удовольствием отметил Сенин. – Так-то, мальчик.

Стоило появиться первым непоняткам, сразу становимся тихими и начинаем слушать старших».

* * *

Джип пришлось обтянуть брезентом. Мчаться по морозу с открытым верхом было бы просто безумием. Сзади остался осиротевший и, на первый взгляд, беззащитный лагерь. На самом деле его охраняла автоматика. Она умела отгонять и грызунов, и рептилий, и крупных животных, а вот человека гостеприимно встречала – любого человека. Потому что человеческая стоянка должна быть островком надежды для всех людей, а не только для тех, кто ее устроил. Мало ли как сложатся обстоятельства?

В дороге не разговаривали, только глядели по сторонам. Усевшийся за руль Гордосевич сосредоточенно выбирал дорогу среди бесконечных бугров, чтоб пассажиров поменьше трясло и кидало по кабине. Кое-где однообразную волнистую равнину пересекали полосы черного колючего кустарника. Там что-то белело, но не снег. Скорее всего, кости зверьков, которые на свою беду вздумали искать здесь пищу, но сами стали ею, запутавшись в колючих кровососущих ветках.

Сенин вцепился в планшет, чтобы еще раз просмотреть карту. В тряске это было непросто – пальцы просто не попадали по сенсорам. И все-таки приходилось стараться. Хуже

всего оказаться в новом месте и плутать там, как в лабиринте, не зная, что вокруг.

«Итак, что мы имеем? – он пытался сосредоточиться. – Сама крепость – раз. Коттеджный поселок – два, теплицы – три. Плюс электростанция. Плюс пять производственных блоков в нескольких километрах от базы. И еще реактор. И две строящиеся климатические станции у черта на куличках. И это не считая летного поля, центра отдыха, производственно-бытового комплекса, завода стройматериалов. И еще всякой мелочевки. Многовато объектов, чтобы впятером проверить их за один раз. Значит, в первую очередь будем смотреть крепость. Скорей всего, она уже необитаема и отдана под машинный двор, мастерские и прочие хозяйственные дела. Тем более, там постоянно должны находиться люди. Затем – летное поле и диспетчерская...»

– Командир, – позвал вдруг Муциев.

– Да. – Сенин оторвался от планшета и обернулся. Азиат смотрел на него как-то вполоборота, словно боялся показать лицо. Или выражение лица.

– Что тебе, Муциев?

– А как мы будем на базу входить?

– Обыкновенно. Четверо пешком, а сзади Гордосевич на машине.

– Хм... – Муциев почесал макушку. – Значит, будем красться на цыпочках с автоматами, а люди на нас будут смотреть?

– Какие люди?

– Ну, там... люди.

– Какие люди, Муциев? Там могут быть очень разные люди. Ты не забыл, почему мы здесь? Там может вообще не оказаться людей.

– А где ж они?

– Будем выяснять. Ты почему спрашиваешь, что тебя смущает?

– Я еще ни разу ни на одну базу не входил таким образом. – Он втянул голову в плечи и поставил руки так, словно в них оружие. Потом смущенно рассмеялся.

– А как ты входил?

– Ну, обычно прилетаем, нас встречают. Везут на обед, показывают, где жить, где спать... Все вежливые, все здороваются.

Сенин протяжно вздохнул.

– Я с тобой каждое утро буду здороваться, Муциев. Обещаю.

– Ага! – азиат снова рассмеялся и замолчал.

Сенин взглянул на дисплей бортового навигатора. Скоро дороге конец. База располагалась в обширной естественной впадине, спрятавшись от пронизывающих ледяных ветров. Издалека ее можно было распознать только по радиомачтам. Зато при подъезде на нее открывался чудесный вид сверху, и каждый уголок можно было разглядеть в бинокль. Сенин знал это по снимкам, которыми обеспечили его на базе. И

бинокль лежал у него в самом ближайшем отделении ранца.

Кстати, хорошая оказалась штука – модульный ранец. В полиции таких не выдавали. Весь секрет в том, что личные вещи боец несет в центральном отделении. Все остальное – боеприпасы, оборудование – в отделяемых модулях. Если один человек выходит из строя, эти модули очень быстро перевешиваются на рюкзаки других. И группа продолжает двигаться дальше, не лишившись ни единого патрона, ни одной нужной вещи.

Из-за спины ударили первые лучи восходящего солнца, и тут же впереди вспыхнуло несколько бликов. Это были отражатели на радиомачтах.

– Кажется, приехали, – сказал Гордосевич. – Добро пожаловать в небесное Торонто.

Дорога пошла под уклон, а вскоре показалась и база Торонто-9 – вся как на ладони.

– Остановка, – скомандовал Сенин и выпрыгнул из кабины, расчехляя бинокль.

Бинокли были у всех, и на некоторое время воцарилось молчание.

– Я никого не вижу, – сообщил через минуту Вельцер.

– Да и я не вижу, – отозвался Сенин. – Сейчас еще раз проверим частоты и тогда уже пойдем.

Вельцер кивнул и вернулся в машину. Впрочем, никаких новостей он не принес. Эфир был пуст, как заброшенное кладбище.

Сенин продолжал разглядывать базу, мысленно сверяясь с картой. Вот крепость – мрачный ржавый квадрат, двухэтажный каземат с просторным двором внутри. Поселок – поднимающиеся по склону ряды светлых и легких – в противовес крепости – домиков. Интересно, откуда они возят древесину? Насосная станция, водонапорная башня. Летного поля не видно, оно на другой стороне впадины, где блестят на солнце окна каких-то построек...

– Что это за длинные сараи на той стороне? – пробормотал Сенин. – Их не было на карте.

– Скорее всего, коровники, – высказался Карелов.

– Коровники... Детектор движения их отсюда, конечно, не возьмет?

– Даже пробовать не стоит. Кстати, у них выключен периметр.

– Вижу, – кивнул Сенин. Оранжевые столбики вокруг крепости и поселка стояли, но огни на них не горели. Само по себе это мало что значило – периметр мог бездействовать уже давно. Далеко не везде и не всегда нужна такая мера безопасности. Но в свете общей ситуации все казалось странным и подозрительным.

– Вельцер, – позвал Сенин. – Подключи бинокль к «Протоколу» и сделай красивый кадр для начальства.

– Уже.

– Молодец. Сейчас будем спускаться. Гордосевич, запоминай маршрут: объедешь крепость вдоль периметра и оста-

новишься возле насосной станции. Пойдем через поселок, но дома пока не проверяем. Первым делом – в крепость. Надеть шлемы, приготовить оружие, проверить связь. И зря не болтать.

Последнее можно было и не говорить. Люди, подавленные видом опустевшей базы, сидели тихо, как мыши.

Через несколько минут машина прошла периметр. Система даже не пикнула. Впрочем, если бы и пикнула – у команды, представляющей корпорацию, хватало средств, чтобы приручить все электронные штучки.

– Детектор движения не выключать, – велел Сенин Вельцеру.

Колеса катились по хорошо утрамбованной дорожке между домиками. Повсюду лезли в глаза следы нестроения – сваленные в кучи бруссы, стопки пенопласта, строительный мусор и развороченный колесами дерн. Вместе с тем, место было уже обжитое: занавешенные окна, мелкий скарб, коврики у дверей – все напоминало об обитателях. Только где они, эти обитатели?

Сенин приглядывался к растительности. Кровососушие кусты – штука неприятная, но не смертельная при небольшой доле осторожности. Тем более, биотехники расчистили территорию от всей мало-мальски опасной флоры и фауны. Однако, версия, что база каким-то образом пострадала от распространения неизученных видов растений, была в числе первых.

– Магазин, – сказал вдруг Муциев. – Открыт...

Действительно, на пересечении улиц стояла скромная лавочка, явно частная. Дверь нараспашку. Конечно, трудно представить, чтобы на небольшой базе люди друг у друга могли воровать, но пустые магазины всегда и везде традиционно закрывались. Тем более, частные.

– Может, стоит зайти? – проговорил Гордосевич.

– По пивку? – ухмыльнулся Вельцер.

– Почему? Может, там продавец.

– Мертвый, – продолжал нервно хихикать Вельцер. – Скелетированный уже.

– Да хоть мертвый. Все-таки следы.

– Потом проверим следы, – сказал Сенин. – Сначала крепость.

– Тем более, там никого нет, – добавил Вельцер, похлопав ладонью по детектору.

Через полсотни метров Сенин велел Гордосевичу остановиться.

– Карелов со мной, Муциев с Вельцером. Идем по обе стороны улицы вдоль домов. Гордосевич – остаешься за рулем, на малых оборотах чуть сзади. И по сторонам чаще смотрите.

Они спешили. Впереди уже маячила ржавая стена крепости. Когда-то она была форпостом человека на этой планете. Первые поселенцы здесь и спали, и ели, и работали, и делали детей. Год обычно уходит на то, чтобы убедиться –

жить здесь можно. Или нельзя.

Если люди смогли удержаться и притерпеться к местным условиям, начинался новый этап – великое строительство. Каждую неделю с небес опускались гигантские челноки корпорации. В их отсеках оборудование – штамповочное, литейное, лесопильное, строительное и многое другое. И машины – грузовики, вездеходы, малая авиация.

Затем люди переселяются из железных келий в собственные дома, обустраиваются, осваивают созидательные профессии. И пробуют просто жить. Так же, как жили бы в любом земном городе. А крепость все стоит, выполняя роли административного здания, генераторного зала, мастерских, гаража и многого другого.

И даже когда поселение отстроит роскошные гаражи и новые мощные электростанции, крепость все равно стоит. Даже пустая и ненужная. Еще ни на одной планете ни у кого не поднялась рука снести крепость – первый островок разумной жизни на новой земле, приют первых поселенцев.

– Вижу вход, – раздался в наушнике голос. Сенин даже не понял, чей. Еще не научился сразу узнавать.

Вход в крепость вскоре увидели все – к нему вела наезженная дорога. Это были мощные раздвижные ворота, скорее всего, въезд в машинный двор. Над замком размеренно мигал желтый огонек.

– Открываем? – шепотом спросил Вельцер и помахал ключ-картой.

– Не спеши, – предостерег Сенин. – Прозвони стены на акустику и движение.

Все замерли, глядя, как Вельцер колдует с датчиками.

– Есть слабые шумы, – сообщил он через минуту.

– И что это значит?

– Что угодно. Вода из крана капает. Или во сне кто-то храпит.

– Дай сам посмотрю.

Вельцер был абсолютно прав. Все, что показал Сенину дисплей, укладывалось в понятие «естественные шумы». Оставалось только войти и полагаться на собственные чувства, а не на приборы. Впрочем, как и всегда раньше.

– Подождите. – Вельцер полез в ранец. – Я ведь могу перехватить частоты камер слежения.

– Сомневаюсь, что они тут работают, – сказал Сенин. – Впрочем, попробуй.

Вельцер попробовал. И действительно, поймал сигналы четырех действующих камер.

Одна показывала внутренний двор крепости. Шесть грузовиков, два джипа, большой гусеничный вездеход, а также ящики, бетонные трубы, сваленный про запас строительный хлам. И ни души.

Еще две камеры были установлены в пустых коридорах. Разглядывать там было нечего, и Вельцер уже тронул переключатель, как вдруг Карелов схватил его за руку.

– Стой! Давай обратно!

– Что такое? – всполошились все.

– Там кто-то был.

– Кто?

– Не знаю, кто-то высунулся из-за угла, я точно видел.

Увы, коридор снова был пуст. Сенин мог бы кого угодно заподозрить в безобидных галлюцинациях на нервной почве, но не Карелова.

– Ты хоть что-то разглядел?

Он покачал головой.

– Тень, просто быстрая тень.

– Мне тоже что-то показалось, – неуверенно добавил Гордосевич.

– Можно, конечно, посмотреть запись в «Протоколе», – неохотно предложил Вельцер, но сам понял, что вероятность что-то разглядеть исчезающе мала.

– Нет, – сказал Сенин. – Хватит тут толочься, пора входить. А запись посмотрим в диспетчерской. Наверняка ведь эти камеры пишутся? Показывай, что там, на четвертой, и потом вскрывай.

На четвертой камере не было ничего. Вернее, была какая-то муть. словно объектив зарос толстым слоем пыли. Вельцер вопросительно посмотрел на Сенина. Тот кивнул:

– Вскрывай.

Мощные ворота с натужным гудением разъехались в стороны, подчинившись универсальному ключу. У Сенина был такой ключ еще в полицейские времена. Славная вещица.

Частенько использовалась, чтобы уединиться с какой-нибудь подружкой в неподходящем месте – в прачечной, например, или в конференц-зале. Блокирует двери наглухо, ни один «третий лишний» не войдет. И соответственно, открывает что угодно.

Воспоминания о подружках Сенин отогнал. За воротами темнел грузовой шлюз – грязный и обшарпанный, как и положено любому грузовому шлюзу. Вторые ворота оказались открыты, и за ними был виден транспортный дворик.

– Вот вход в крепость, – шепнул Муциев, указав на боковую дверь.

– Да знаю, – отозвался Сенин. – Вельцер, действуй.

Пискнул электрический замок, грохнула пружина. За дверью обозначился длинный полутемный коридор.

– Не забываем смотреть назад! – процедил Сенин, заметив, что все сгрудились у двери и разглядывают коридор.

Посмотреть было на что. Коридор зарос травой. Вернее, это была не трава, а скорее спутанные корни – белесая густая мочалка, и она лезла из всех щелей, свисала со стен и потолка. Казалось, место много лет не посещалось людьми, и здесь поселились растения.

– Что здесь происходит? – проговорил Вельцер.

– Дайте сюда свет. – Сенин осторожно наклонился к «мочалке». Он ожидал увидеть острые, жаждущие крови и плоти колючки, но ничего такого не было. Просто спутанные волокна, податливые и безобидные.

– Маски, – скомандовал Сенин.

Все торопливо полезли в ранцы. Смотреть на мир через стекло маски, конечно, не слишком удобно. Но в помещении, занятом неизвестной биологической формой, дышать лучше через фильтры.

– Продвигаемся вперед и открываем все двери. Все до единой. Что не открывается само – ломаем или прожигаем. И без резких движений, пожалуйста. А то еще перестреляете друг друга с перепугу.

Чувствовалось, что люди нервничают. Сенин и сам нервничал. Только что был дневной свет, знакомая до тошноты обстановка очередной космической колонии, и вдруг этот дьявольский заросший коридор. Когда он успел так зарости, и куда запропастились хозяева?

Сенин знал, что все необъяснимое всегда объясняется просто. И даже скучно. И ему больше всех хотелось бы найти это простое объяснение, посмеяться над своими страхами, отправить стандартный отчет начальнику Сектора...

– Что мы хотим найти? – спросил вдруг Карелов.

– Что угодно. Любые следы.

– Я думаю, нужно определиться точнее. Нам следует найти, во-первых, центр связи, чтобы посмотреть регистрационный журнал. Во-вторых, пульт охраны, где есть записи с телекамер.

– Тоже вариант, – согласился Сенин.

– У нас есть план-схема здания?

– Есть. Двухлетней давности.

– А-а... – поскущел Карелов, прекрасно осведомленный, как любят поселенцы все перестраивать и переделывать.

– И я о том же. Поэтому и говорю – открываем все двери подряд.

«Вот и первое коллегиальное решение, – усмехнулся про себя Сенин. – Ну, пора за работу».

За спиной еще брезжил дневной свет из распахнутых ворот, это придавало немного уверенности. Но с каждым шагом крепость словно смыкалась вокруг людей, погружая их в атмосферу полумрака, странных шорохов, тихого скрежета в глубине. Огромный металлический дом жил своей жизнью, и в этом не было никакой мистики.

Мистика была в умах людей. И она не давала им покоя. И Сенину пришлось себе признаться, что он не меньше остальных хочет поскорей оказаться под открытым небом.

Первая же дверь открылась без всяких проблем с помощью универсальной ключ-карты. Все работало, железный дом ждал своих хозяев. За дверью обнаружилась стандартная жилая комната – пара заправленных кроватей, стол, полки с простой посудой. И еще белесая «мочалка» – она тоже здесь была.

То же самое оказалось и за второй дверью. И за третьей.

– Это жилой сектор, – проговорил Карелов. – Только здесь никто не живет.

– И давно не живет, – отозвался Гордосевич, проведя

пальцем по толстому слою пыли.

– Все верно, – сказал Сенин. – Местные давно перебрались в коттеджи. А эти помещения приготовлены для новых поселенцев.

– Будем открывать все двери? – спросил Карелов. – Или переместимся в следующий сектор?

– Будем открывать даже крышки на унитазах. За нами не должно оставаться ни единого темного угла.

Осмотр жилого сектора никаких новых открытий не принес. Сорок две двухместные комнаты, совершенно одинаковые.

Воображение рисовало Сенину страшные картины, как однажды ночью «мочалка» полезла из щелей, опутала сонных людей, переварила их без остатка и затаилась в ожидании новых жертв. А новые жертвы уже близко – три сотни человек на орбите ждут сигнала на посадку.

Что характерно, фантазии эти не казались Сенину такими уж глупыми. Кто бы предложил умную версию – Сенин тому в ноги бы поклонился.

Следующий сектор для жилья не предназначался. Здесь тоже имелась масса дверей и комнат, но все они были либо пусты, либо завалены хламом. Но «мочалки» в них оказалось не меньше, чем в жилых.

Сенин раскидывал ногой картонные коробки в одной из комнат, когда в наушнике раздалось возбужденное восклицание:

– Кто-нибудь, сюда! Скорее!

Это был Муциев. Он стоял в дверях просторного помещения, здесь был пульт, мониторы и какие-то электрические шкафы вдоль стен.

– Вот, смотрите... – сказал он.

Все было разгромлено. Пол устилали стеклянные осколки. И в самом центре – большое бурое пятно. А от него следы волочения к небольшой технологической дверце в стене.

Сенин плавно отвел предохранитель автомата.

– Открыть дверь.

За ней была узкая шахта и лестница вниз – в подвалы или коммуникационные тоннели.

– Ну, что, мальчики? – Он облизнул внезапно пересохшие губы. – Кто-нибудь еще хочет заночевать на базе?

* * *

– Рубка, я – Скаут. Рубка, я – Скаут, ответьте.

– Скаут, вас слышат.

Сенин поправил наушники и прокашлялся.

– Прошу доступ первого порядка.

– Ждите соединения...

Слышимость была паршивая, сигнал шел через навигационные спутники, которые для радиопереговоров не предназначены. Но спасибо и на этом. По крайней мере, связаться с «Форумом» удалось через четыре часа, а не через восемь.

За это Сенин готов был торжественно перед строем выразить благодарность Вельцери. Жаль только, строй будет совсем короткий.

– Я – Первый, говорите.

– Я Скаут. Сейчас получите на личный терминал отчет и данные системы «Протокол». Не прерывайте связь, до вас очень трудно достучаться.

Капитан «Форума» ненадолго замолчал.

– Скаут, а в двух словах не объясните, что там у вас?

– Объясню – Сенин постарался говорить бесстрастно, чтобы не сойти за психа: – База абсолютно пуста. Мы не встретили ни одного человека. Нашли следы крови – не следы даже, а несколько больших луж. Мы просмотрели регистрационный журнал и местный телепротокол, но там ничего необычного. Куда делись люди, неизвестно.

– А... – Капитан, похоже, был растерян. – Вы хорошо смотрели?

Сенин чуть не рассмеялся прямо в микрофон.

– Мы прочесали базу и прилегающие объекты. В том числе и круглосуточные посты. Мы не полезли только в подвалы, есть основания оставить это дело для хорошо оснащенной экспедиции.

– Так... так... – Капитан все еще не мог собраться с мыслями. – И каковы ваши рекомендации относительно пассажиров?

– Мои рекомендации – улетать отсюда вместе с пассажи-

рами. Впрочем, изучайте отчет и решайте сами. Там все сказано.

– Офицер, вы отдаете себе отчет, насколько серьезно это решение? Триста лишних человек будут два месяца находиться на борту, да еще пятьдесят тонн груза...

– Решайте, господин капитан. Последнее слово за вами. Осмелитесь вы сбросить три сотни душ в зону бедствия – ваше право. А груз можно оставить и на орбите.

– Но все-таки... все-таки... есть какие-то соображения относительно причин происходящего?

Сенин этого вопроса, конечно, ждал. Но четко и красиво ответить не мог при всем желании.

– Есть только подозрения. Очень слабые, вы их увидите в отчете. Это касается активности местной флоры, неизученных видов.

«Если только допустить, что растения могут растерзать взрослого человека и утащить в подвал», – подумал он про себя.

– Вот как? Скажите, вашей жизни сейчас что-то угрожает? Дело в том, что эвакуировать вас...

– Не беспокойтесь, мы о себе позаботимся. Сегодня мы планируем проверить некоторые удаленные объекты, возможно, там что-нибудь найдем.

– Хорошо, а... сколько это займет времени?

– Ну, этого мы никак не можем знать.

– Дело в том, – пояснил капитан, – что мы стартуем толь-

ко через двенадцать часов. И если появятся новости, обязательно сразу сообщите.

– Конечно, капитан.

– Через сутки с небольшим у нас запланирован сеанс гирперсвязи с Сектором. Мы передадим ваш отчет. Но если нужно, мы сумеем выйти и вне графика.

– Не советую тратить энергию. Решать все равно придется нам, а не им. Впрочем, можете передать мой отчет федеральным властям.

– Удачи вам, офицер. Будьте там предельно осторожны. «Спасибо за заботу», – Сенин сбросил наушники.

Он и не ожидал от капитана решительности. И в Федерацию этот служака ничего передавать не будет через голову начальства Сектора.

Капитаны больших кораблей – сплошь отставники, благообразные пятидесятилетние вешалки для своих мундиров. Все, что от них требуется – достойно выглядеть и внушать пассажирам чувство надежности и спокойствия.

И решение будет принимать не он, а совет старших офицеров. Впрочем, какая разница...

– Обед готов, – сообщил Гордосевич, выглянув из палатки.

После безмолвия покинутой базы лагерь казался уютным и желанным, почти родным. Детекторы подмигивали зелеными глазками – мол, вокруг все спокойно, парни, отдыхайте. И туша «Скифа» ласкала взгляд – если там запереться,

сам черт не страшен. Правда, тесновато будет, но теперь уж не до жира.

– Лет десять назад, – сказал Муциев, орудуя ложкой, – целая база вымерла. Не помню, где. Муравьи покусали ядовитые.

– Не база, а экспедиционная группа, – поправил Сенин. – Двадцать два человека. И не муравьи там были, а насекомые вроде комаров, которые занесли им в кровь какой-то вирус. А все потому, что вместо опытного медика компания отправила еще одного геолога, по совместительству медтехника. Парень отлично умел мерить пульс и ставить градусник, но этого оказалось мало.

Все посмотрели на Муциева. Он тоже был медтехником по совместительству. Так сказать, экспедиционный врач после ускоренных курсов.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся Сенин. – Здесь люди уже пять лет живут...

Он замолчал. Люди-то, вполне возможно, уже и не живут. И пять лет – не такой уж большой срок, чтобы изучить все опасности, которые может таить новый мир.

– Мы будем продолжать экспедицию? – спросил Вельцер.

– Да, навестим удаленные точки – производство, реактор... А что?

– Может быть, подождем помощи? Нас ведь не так много. Сенин не сдержал усмешку.

– Ждать помощи – это в нашем положении очень долго,

Вельцер. Ты сам столько не высидишь в лагере.

– А если не сидеть? Возможно, стоило затребовать у «Форума» эвакуацию.

– Нет, Вельцер. Точно – нет. Оставить это место без призора мы теперь не можем. Если б вы были штатскими, я бы вас, конечно, вытащил. Если б на нас нападали ядовитые муравьи – нет вопросов, мы бы сразу ушли. Но мы офицеры охраны, и нам пока ничего не угрожает. А значит, мы будем собирать информацию и искать ответы на вопросы.

– Как долго?

– До прибытия смены либо федеральной комиссии. А ты куда-то торопишься?

– Нет-нет, я не настаиваю. Просто... советуюсь. Мне-то что, деньги-то идут... Тройной оклад плюс командировочные.

– Видишь, как все хорошо устроилось? Еще и вернешься героем.

– Если вернусь... – едва слышно пробормотал Вельцер и вышел из палатки.

От этих слов Сенину вдруг стало не по себе. Хотя слабо-нервным и впечатлительным он себя не считал. Может, зря?

* * *

Прежде чем отправляться на удаленные объекты, Сенин дал людям и себе четыре часа отдыха. Хотя утренняя раз-

ведка длилась недолго, он чувствовал себя вымотанным, да и остальные вовсе не выглядели бодряками. Больше всего устали нервы, поэтому перед новым выездом следовало успокоиться. Тем более, как оказалось, спешить особенно незачем.

Приученный использовать передышки с толком, Сенин улегся в палатке и, несмотря ни на что, быстро уснул. Никто, кроме него, спать даже не попытался. Наоборот, разведчики слонялись по лагерю и выматывали себя размышлениями и разговорами.

В середине дня холод отпустил, и почва начала раскисать. Сенин планировал добраться до генераторной станции за час, но теперь план корректировала погода. Хорошо, не пришлось искать путь и прыгать по буграм – базу и реактор соединяла траншея, а вдоль нее шла уже накатанная дорога. И все равно севший за руль Муциев весь взмок, пытаясь удерживать машину ровно.

В дороге у Сенина было время поразмышлять. Они не нашли ничего, что могло бы сойти за информацию. Только новые странности – это мягко говоря. В регистрационном журнале оказались совершенно будничные записи: получили груз, отправили почту, госпитализировали монтажника с признаками дизентерии, проложили очередную теплотрассу, зарегистрировали еще один брак...

Еще более непроходимой оказалась ситуация с теленаблюдением. Из всех имеющихся на базе камер работала в

лучшем случае треть. Это было нарушение установленных корпорацией правил, но нарушение обычное и повсеместное. Так происходило везде, где относительно безопасно: чем дольше жили люди на базе, тем меньше им нравилось, что на них повсюду направлены безмолвные стеклянные глаза. Камеры одна за другой отключались, губернаторы послушно платили скромные штрафы в случае внезапной проверки, и никому не приходило в голову закручивать по этому поводу гайки. Хватало других проблем.

Оптические пластины с записями должны храниться в особых условиях, вместе с основными документами – свидетельством о статусе поселения, регистрационным журналом, первым экземпляром устава и так далее.

Пластин не оказалось. И поиск их был безуспешным. А когда Вельцер проверил систему, выяснилось, что записи здесь вообще давно не ведутся.

Все эти нарушения – мелкие и не очень – складывались в одну большую проблему. Разведгруппа лишалась информации.

Прочесывая жилые домики, Сенин пытался определить хотя бы, как долго отсутствуют люди. Он даже шупал кастрюли – не окажутся ли еще теплыми. Хоть какая-то была бы крупица информации... Увы, никаких свежих следов. Судя по всему, однажды люди встали, позавтракали – и ушли. И всё. Поломанной мебели, выбитых стекол и иных признаков беспорядков тоже не было.

Поэтому мысли Сенина с завидной регулярностью возвращались к подвалам и коммуникационным тоннелям. Тем, куда вела кровавая дорожка – единственный зримый след неизвестной трагедии. К сожалению, ничего, кроме домыслов, он себе позволить не мог. При всей мнимой близости разгадки, в подвал Сенин и сам бы не полез, и людей своих не пустил. Это не тот шаг, который укладывается в рамки разумного риска. Пока нет никакой причины соваться в место, откуда разит явной опасностью.

– Вельцер, – позвал он. – Сообразим какую-нибудь самоходную штуковину, подвалы проверить?

– У нас ничего подходящего нет. Если только на базе поискать.

– Надо поискать.

«А может, и не надо, – подумал он. – Что мы там увидим – обглоданный труп? Даже если так, труп нам ничего не расскажет».

Существовало много способов приблизиться к истине, но небольшой разведгруппе они были сейчас недоступны. Нужна серьезная поисково-спасательная экспедиция, эксперты, оборудование. Нужно анализировать данные центрального процессора, брать пробы почвы, воздуха, пищи, сканировать стены и даже проверять содержимое помоек, чтобы какие-то крупинцы информации вывели на нужный путь.

«Пусть они ищут, – подумал Сенин. – Наше дело – предупредить об опасности. Остальное – по мере возможности».

На исходе второго часа, впереди показалась большая бетонная лепешка, лежащая на возвышении – аппаратный зал реактора. Сам реактор, как и положено по технологии, работал на глубине нескольких десятков метров под землей. По крайней мере, должен был работать.

Сенин очень рассчитывал на это место. Уж здесь-то камеры не выключаются и записи хранятся, как положено. Если, конечно, кто-то специально их не запрятал.

– Командир, там люди! – воскликнул вдруг Муциев.

– Что?! – Сенин схватил бинокль. – А ну, по тормозам!

У самых стен корпуса ползал заляпанный грязью грейдер и ровнял площадку перед воротами. Спокойно и буднично, словно был очередной рабочий день и ничего не случилось.

– Гони, – велел Сенин.

Джип выскочил прямо перед грейдером и резко затормозил, разбросав куски мокрой земли. Из кабины выглянул машинист – небритый мужчина в комбинезоне и клетчатой рубашке. Он увидел вооруженных людей в форме и удивленно заморгал.

– Спокойно, – крикнул ему Сенин. – Мы – служба безопасности корпорации.

– А-а... – заторможенно кивнул мужчина.

– Ну? – Сенин рассчитывал, что тот сразу начнет что-то рассказывать. Но машинист продолжал удивленно таращиться на неожиданных гостей.

– Что? – произнес он.

– Как что? Что тут творится? Где остальные?

– Остальные? – мужчина с недоумением обернулся на ворота. – Там.

– Кто там?

– Начальник смены. И два оператора.

– Какие еще два оператора?! Я спрашиваю, где все? Где вся база?

– База? Там. – Мужчина показал пальцем в направлении дороги. Он словно не мог взять в толк, почему на него так накинулись.

Сенин уже хотел рассердиться, но его вдруг позвал Вельцер.

– Командир! Нас «Форум» вызывает.

Это был сам капитан. Не вовремя, конечно, но придется ответить.

– Господин Сенин, – раздался голос, в котором явственно обозначились стальные нотки. – Вам придется кое-что мне объяснить.

– Что объяснить?

– Только что на связь со мной вышел коммуникационный центр Торонто-девять...

– Что! – оторопел Сенин.

– Да-да, со мной разговаривал лично губернатор. Он сказал, что они в недоумении, куда вы подевались. Они еще вчера получили предупреждение, и ждут вас.

– Ждут нас? – Сенин неожиданно охрип. – База пуста, нас

никто не ждет.

– Еще раз повторяю, со мной говорил губернатор. Сказал, что у них все в порядке, и они готовы принять новых поселенцев. Я оказался в глупом положении, когда изложил ваш, с позволения сказать, отчет.

Сенин почувствовал, что ноги стали ватными. Первой пришла мысль, что проверяли не ту базу. Абсурд, конечно, нет тут никаких других баз, но ничего умнее мозг не выдал.

– Где вы находитесь?

– Мы... мы у генераторной станции.

– И что вы там делаете?

– Только подъехали. Здесь есть люди.

– Не сомневаюсь, – голос капитана прозвучал издевательски. – Теперь объясните, с какой целью вы снабдили меня дезинформацией?

– Какой еще, к черту, дезинформацией? – едва не закричал Сенин. – Вы же сами все видели!

– Я видел пустые помещения и несколько непонятных пятен на полу. Вы утверждали, что это основание для отмены высадки поселенцев. Я едва вам не поверил.

Сенин почувствовал, что ему нечего ответить. А что тут ответишь? Да – пустые помещения, да – пятна. Он внезапно увидел, что вся команда смотрит на него как-то странно. Как на прокаженного, рядом с которым опасно находиться.

«Я не сумасшедший, я не сумасшедший...» – билась в голове мысль, которая как-то еще помогала держать связь с ре-

альностью.

– Я же сам видел совершенно пустую базу, все видели... – Он замолчал. Слова звучали беспомощно.

– Я не знаю, что вы там видели, господин Сенин. И, честно говоря, выяснять мне некогда. Через тридцать минут мы отделяем посадочную платформу с переселенцами. Из-за вас люди уже напуганы. Мы сначала отменили высадку, потом вновь ее объявили – и не можем внятно объясниться. – Голос в эфире звучал, как резкие удары молотка – каждое слово словно вбивало гвоздь в голову. – Я могу надеяться, что хотя бы высадка пройдет без происшествий? А вы потрудитесь выйти на связь с базой. Вас уже по всем каналам вызывают. Они даже отправили вертолет на ваши поиски.

– Какой еще вертолет... – пробормотал Сенин.

– Такой вертолет, с крылышками. – Голос капитана неожиданно стал хамским. – А тебе, инспектор, советую – мажь жопу вазелином. В Секторе о твоих проделках узнают буквально сегодня.

Эфир замолчал. Сенин поднял глаза на команду: они стояли и хлопали глазами, точно так же ничего не понимая. Вернее, они понимали одно: перед ними уже не командир, а мудака, едва не сорвавший дорогостоящую транспортную операцию.

У Сенина словно раздваивалось сознание. Перед глазами разворачивалась картина: они возвращаются на Торонто, а там как не было никого, так и нет. Пусто! И что тогда? Одно-

временно виделось другое: они приезжают, а на базе кипит жизнь и варится ужин. И это еще хуже!

– Вельцер, ты слушаешь местные частоты?

– Нет. А зачем?

– Так какого черта ты стоишь! – заорал Сенин, срывая злость на невинном подчиненном.

Парень метнулся к машине. Он с перепугу никак не мог настроиться, в это время Карелов спокойно повернул лимб на своей рации, и сквозь помехи пробился голос:

– Скаут, Скаут, Скаут...

– Черт меня подери... – пробормотал Сенин. Он подошел к Карелову и взял у него рацию. – Я Скаут. Мы выезжаем. Через полтора часа будем у вас.

– А генератор не станем проверять? – поинтересовался Карелов.

Сенин вяло махнул рукой и побрел к машине.

* * *

На половине дороги над машиной завис вертолет. Он радостно посигналил бортовыми огнями, затем сделал несколько кругов над машиной и умчался в направлении базы. Невозможное становилось реальным. База их действительно ждала.

Медленно темнело. Издалека были видны огни на радиомачтах. Метрах в пятистах от базы на дороге расположились

встречающие – две машины с включенными фарами. С каждой минутой Сенин становился все мрачнее. Он не знал, как себя вести и как объясняться. Причем, как с командой, так и с администрацией поселения. Более глупой ситуации в его жизни, наверно, не было.

Казалось нереальным, что еще несколько часов назад они, обливаясь холодным потом и стискивая автоматы, крались по пустым коридорам и всерьез считали, что здесь произошла загадочная масштабная трагедия. Ведь все так и было, ведь все видели и пустующую базу, и кровавые следы! Не приснилось же это всей команде?

Уж лучше бы приснилось...

«Я все же задам губернатору кое-какие вопросы», – бодрился Сенин, но бодрости не прибавлялось. Наоборот, было лишь жгучее желание оказаться подальше от этой планеты, где-нибудь на спокойной караульной службе.

– Здорово, мужики! – весело поприветствовали разведчиков встречающие. В темноте их лиц было не разглядеть. – Где пропадаете? Мы уж думали, заблудились.

«Отлично! – со злостью подумал Сенин. – Навечно войдем в историю как разведгруппа, которая заблудилась. Разведгруппа, за которой пришлось посылать поисковый вертолет. Черт бы побрал эту базу и это проклятое задание».

База вся светилась огнями. Жизнь прямо-таки была ключом. На каждом крыльце стояли люди и глазели, как едут потерявшиеся разведчики корпорации. Впрочем, встречали

радостно, улыбались и руками махали. В таких местах редко появлялись новые лица, и любой приезжий вызывал здоровое любопытство. А тут приезжих целых пятеро, да они еще и представители главной экономической власти.

– Проголодались? – спросил кто-то из встречающих.

– Сначала представимся губернатору, – ответил Сенин.

Он, припомнив недавний разговор, взглянул на Муциева. Тот выглядел довольным и благодушным. Он находился в том качестве, к которому привык: дорогой гость, которого сейчас накормят, напоят и спать уложат. И даже сказку на ночь расскажут.

Впрочем, сказки слушать собирался как раз Сенин.

– «Протокол» никому не отключать, – предупредил он своих. И тут же почувствовал, как все они мысленно усмеются над ним. Мол, командир еще изображает военное положение...

Губернатор Торонто оказался на вид очень простым, демократичным дядькой. Добродушное широкое лицо, глаза с морщинками-лучиками, рабочая кожаная куртка, сапоги с легкой корочкой глины. Легко было представить, как он вместе с соплеменниками, например, выталкивает застрявший трактор. Наверно, жалко будет, если прилетит какой-нибудь социопсихолог и решит, что его нужно убрать во имя спокойствия и благополучия бизнеса.

Его звали Ковтун. Даниил Ковтун.

– Нашлись, наконец, – ласково усмехнулся он, здороваясь

с Сениным.

Сенину было не до усмешек. И не до ласки.

– Ну, рассказывайте, – произнес губернатор. – Как там, на большой земле.

– Вначале вы, – очень сдержанно улыбнулся Сенин.

– Пожалуйста. – Ковтун всем своим видом изобразил готовность к серьезному диалогу. – Спрашивайте, что вам интересно.

– Я уполномочен администрацией Сектора проверить сигнал тревоги, поступивший отсюда 19 августа. Знаете, о чем идет речь?

– Да знаю, не показывайте, – поморщился губернатор и махнул рукой, останавливая Сенина, который уже полез за планшетом. – Недоразумение. Чистое недоразумение, и не стоило вам беспокоиться.

Ох как нелегко было Сенину держаться в роли строгого проверяющего после того, как побывал в столь глупом положении. Куда проще было бы развести руками и вместе посмеяться над злосчастным недоразумением.

– Извините, но сообщение получено по гиперканалу и имеет официальный статус. Нам пришлось побеспокоиться, и не только нам.

– Да какое там... Скажете тоже – официальный!

– Следует ли понимать, что сигнал тревоги был ложным?

– Конечно! – рассмеялся губернатор. – Какая тут у нас тревога...

– Это ваша официальная позиция? Должен предупредить, что работает система «Протокол», и все сказанное вами приравнивается к даче показаний.

Сенин говорил и пристально вглядывался в лицо Ковтуна. Он смотрел – не дрогнет ли хоть один мускул. Не блеснет ли лед в лучистых глазах. Он не верил насмешливому голосу губернатора.

– Я знаю. Так и пишите – у нас все в порядке. Я уже и капитану лайнера сказал, и начальнику Сектора еще раньше сказал, и вам то же самое говорю.

– Хорошо. В таком случае прошу объяснить, каким образом произошел несанкционированный доступ к передатчику. И установлен ли виновный.

– Занимаемся, – с досадой поморщился Ковтун. – Стараясь узнать, что да как.

– Кто занимается? Какие конкретные действия предприняты? Я могу поговорить с людьми, которые ведут расследование?

– С людьми? – Ковтун пожал плечами. – Ну, это можно.

Он взял рацию и вызвал какую-то Ангелину. Эта Ангелина словно под дверью стояла: Сенин не успел открыть рот, а она уже заглянула в комнату.

– Вызывал?

– Заходи, знакомься. Это проверяющий из Сектора. Это Ангелина – командир нашей милиции. Можно по всем вопросам к ней...

Женщина была статная и, наверно, волевая. Лет тридцати пяти. Не красавица – слишком тяжелый подбородок и маленькие глаза. Но вполне могла руководить колониальной милицией, не так много у нее работы. И кобура на кожаных лямках вполне уместно смотрится. Сенину нравились сильные женщины.

– Меня интересуют результаты расследования по несанкционированному доступу к гиперпередатчику, – сказал он. – Какие меры принимаются?

Женщина переглянулась с губернатором. Чуть растерянно, как показалось Сенину.

– Ну, как... – Она неопределенно повела плечами. – Разбираемся, ищем. С людьми разговариваем.

– С какими людьми? Есть протоколы допросов? – тут же поинтересовался Сенин.

– Да какие тут у нас протоколы? – почти жалобно проговорила Ангелина. – Просто говорим, выясняем.

– Вы меня удивляете, – тихо сказал Сенин. – Вам прекрасно известен порядок проведения дознания. Использование гиперканала – не недоразумение, а серьезное нарушение режима. Сколько времени прошло, а вы не можете представить ни единого следственного документа!

«Вот вам, – мстительно подумал Сенин. – Знайте, что к вам серьезные люди прилетели, а не клоуны».

– Слушай, Ангелина, ты разберись с этим делом, – озабоченно проговорил губернатор. Явно играл в серьезного на-

чальника, понимающего важность момента. На самом деле – Сенин готов был поклясться – плевать ему было на расследование и на протоколы.

– У вас большой штат? – поинтересовался Сенин.

– Да какой тут штат, – рассмеялся Ковтун. – Одна-единешенька.

– Одна?

– Ну, да, – кивнула Ангелина. – Конечно, если что-то надо, ребята всегда помогают.

– То есть у вас внештатный отряд?

– Ага, так и есть, – энергично закивала женщина.

– Можете предоставить мне его список?

И снова она испуганно переглянулась с начальником. Ясно. Нет никакого списка. И нет никакого отряда, даже группы нет.

В принципе, Сенину это было знакомо и понятно. Не нужен здесь отряд, даже внештатный. По правилам положен, но по факту не нужен. Чем ему тут заниматься? Только тренировки и учения проводить. Та же ситуация, что и с пожарной командой – если случится пожар, то все поселение будет рукава разматывать и с ведрами бегать, без всякой специальной команды.

Но Сенин знал, что делает. Прикрывает собственную задницу – вот что. Когда начальник Сектора поинтересуется насчет едва не сорвавшейся высадки переселенцев, Сенин быстренько положит перед ним список выявленных наруше-

ний. Это по одиночке они выглядят пуляково, а список наверняка произведет впечатление. И никто не удивится, что в таком бардаке произошла какая-то путаница с высадкой. Чему удивляться, если у них к гиперпередатчику кто попало шастает?

«А ведь раньше я таким дерьмом не занимался», – с тоской подумал Сенин.

– Пользуясь случаем, хочу выяснить еще кое-что, – сказал он. – Почему на базе не работает и половина камер наблюдения? Почему не ведется запись? Почему не включен периметр?

– Включен, – поспешно сказала Ангелина. – На ночь включаем.

– На ночь? А днем мы совершенно свободно прошли на территорию базы, и ничто нам не помешало.

– От кого нам тут отгораживаться? – с укором улыбнулся губернатор. – Людей тут нет. Зверья тоже почти нет. А которое есть – с ним сонорный барьер хорошо справляется.

Все-таки чувствовалось, что и губернатор, и его милиционерша нервничают. Губы кусают, ерзают. Конечно, понять их можно. Неприятно, когда ревизор предъявляет справедливые претензии и не получает логичные оправдания.

Сенину предстояло перейти к самой неприятной для него теме. Одно из двух – либо он сейчас полностью оправдывается перед Сектором, либо окажется в полных дураках. Третьего просто не дано.

– Вы свободны, – сказал он женщине. – Завтра мы еще пообщаемся и обменяемся кое-какими документами.

– Итак, господин губернатор, – вкрадчиво проговорил он, когда Ангелина вышла. – Теперь объясните толком, где находились вы и все обитатели базы сегодня утром?

Губернатор насторожился.

– Что значит, где? На месте, как всегда. Вас вот ждали.

– В каком именно месте? Мы прочесали всю базу – здесь не было ни единого человека!

– Ну, как же так?..

– Именно так. Хотите, просмотрим «Протокол». Увидите совершенно пустую базу.

– Ну, значит... видимо. Так ведь на работе были люди!

– На какой работе?

– Как же, как же... – Ковтун говорил медленно и не отрывал взгляд от Сенина. Как психиатр, изучающий реакцию пациента. – У нас несколько объектов за периметром.

– И что, все население поголовно ушло за периметр?

– Ну, не все, наверно.

– Наверно? У вас, минимум, двое должны круглосуточно сидеть в центре связи. Как минимум, пятеро – в диспетчерской на летном поле. И я уж не говорю про пищеблок, медицинский корпус, фермы, теплицы и тому подобное. Где все они были?

– А что, их не было? – недоверчиво произнес губернатор. Сенина бросило в жар. Это уже походило на какую-то иди-

отскую игру. Но играли в нее не идиоты. С одной стороны сидел человек, облеченный властью и серьезными обязательствами. С другой – полномочный представитель крупнейшей корпорации. И один из них откровенно валял дурака, разыгрывал абсолютно бредовую комедию, не соответствующую ни его статусу, ни серьезности ситуации.

– Бог ты мой, – вздохнул Сенин. – Не было! Ни одного человека!

– Ну, не знаю. Может, кто-то вышел куда-то... В туалет там, или не знаю...

Сенин расхохотался. Он представил, как рабочие длинной колонной идут в туалет. Аккурат в момент появления разведгруппы. И сидят там, в туалете, пока группа не ушла.

Губернатор тоже рассыпался легким смехом, понадеявшись на перемену настроения и, может быть, темы разговора.

Но Сенин и не думал ничего менять. Смех был реакцией психики. На самом деле ему было почти страшно. Он попал в мир умалишенных, иного объяснения нет.

– Вы, оказывается, тут были утром, – задумчиво проговорил губернатор. – Мы-то думали, вы заблудились.

– Да, черт подери, – процедил Сенин. – Мы были тут утром. Мы разбили лагерь неподалеку и...

Он прикусил язык. Про лагерь лучше помалкивать.

– Странно... почему же вас никто не видел? – Кажется, губернатор всерьез озадачен.

– А знаете, что еще более странно? – У Сенина оставался серьезный вопрос, который он должен был задать, несмотря ни на что. – Мы осмотрели крепость и нашли там кровь.

– Кровь? – недоверчиво переспросил губернатор. – Откуда же там кровь?

– Надеялся узнать от вас.

– Да может, это краска?

– Я, по-вашему, не могу отличить кровь от краски?

– Ну да, ну да... – Ковтун задумчиво поскреб подбородок. Потом пожал плечами. – Ну, не знаю. Ума не приложу. Наверно, какой-то несчастный случай.

– Несчастные случаи в обязательном порядке должны регистрироваться в журнале. Вам ли этого не знать?

– Да что же, по-вашему, каждый разбитый нос в журнал записывать? – В глазах губернатора светился призыв: имей совесть, проверяющий!

– Разбитый нос? – изумился Сенин. – Там лужи и брызги, словно ваши люди только тем и занимаются, что бьются носами о пол и стены!

– Мы этим тоже займемся, – твердо пообещал губернатор.

– Не вы. Теперь уже мы займемся.

– Значит, окажем любое содействие.

«Куда ж вы денетесь...» – усмехнулся про себя Сенин. Ему вдруг вспомнились фрагменты из сообщения, которое он уже почти знал наизусть.

«Тут полный кошмар... Я схожу с ума... Они все тут со-

шли с ума...»

«Ночью крики такие стоят, что волосы дыбом. И стук, и беготня...»

«...Я нормальный. Это они психи чертовы...»

А что, очень похоже. Кажется, впору самому бежать к гиперпередатчику вызывать помощь.

– А я, кажется, все понял, – весело сказал губернатор. – Вы же скрытно на базу входили?

– В каком смысле? – насторожился Сенин.

– Ну, вы же разведка! Вы тихонько прокрались, на цыпочках, незаметно, да? И ушли тоже тихо. Вот поэтому вас никто и не видел.

Сенин почувствовал, что волосы у него на голове зашевелились. Абсурд должен иметь свои пределы. А тут с каждой минутой все хуже и хуже. Он даже подумал, что «мочалка», которую они тут видели, выделяет какой-то фермент, влияющий на умственные способности.

– Кстати, хотел спросить, – сказал он, с опаской поглядывая на Ковтуна. – С чего тут у вас заросло все какой-то тиной? Прямо в комнатах с потолка свисает.

– Ничего страшного, – махнул рукой губернатор. – Просто завелась какая-то плесень. Боремся вот... У нас даже биотехнолог работает по этому вопросу, специально прилетел. Думаю, он скоро справится.

– Я с ним поговорю, – сказал Сенин.

«Может, хоть он окажется нормальным?» – мелькнула

МЫСЛЬ.

– Я вас провожу, – сказал губернатор, бодро вставая. – Мы приготовили для вашей команды отличные комнаты в новом коттедже. И ужин туда доставят.

На улице Сенин вглядывался в лица людей. Он гадал, все ли здесь такие же ненормальные. Нет, вроде все в порядке. Хорошие приветливые лица. Каждый встречный здоровается, как со старым знакомым. Многие даже в гости зовут. Женщины улыбаются, в глаза заглядывают. Все как обычно...

– Вы очень удачно попали, – сказал губернатор. – Мы решили соединить прилет наших новых братьев с праздником урожая. Это наш первый праздник урожая.

– О, поздравляю. Значит, будет большое угощение?

Сенин, конечно, знал, что по неписанным правилам колония считается успешно состоявшейся, когда начинает производить мясо. Это был весомый показатель. Потому что люди выживают везде, даже на голом камне, а вот домашним животным нужно создавать условия. Если эти условия созданы – значит, поселение чего-то стоит и что-то может.

«Странно это, – подумал он. – Когда-то мясо было чуть ли не основной пищей человека. Мяса было много. Но человек захотел большего, начал придумывать, строить, изобретать, улучшать жизнь. И улучшил до того, что почти лишился самой лучшей своей пищи».

На Земле мясо, конечно, было. Но по такой цене, что не каждый позволял себе хотя бы раз в месяц отведать кусочек.

Зато было много заменителей – растительных, искусственных. Официально считалось, что они ничем не отличаются от настоящего мяса. Но Сенин знал, что это не так. Ему мясо приходилось есть часто – фактически в каждой командировке. Он видел разницу не во вкусе и внешнем виде, а в ощущениях. Мясо давало силу, уверенность. Заменители же – только вес в желудке.

– Да, теперь у нас свое мясо. – Губернатор искренне радовался. Вдруг он расхохотался. – Кровь! Вы спрашивали про кровь!

– Ну, да. – Сенин не понял, что тут смешного.

– Да это же... – Ковтун махнул рукой и зашелся в новом приступе смеха. – Это же коровы! Там просто разделявали туши.

– Где – в крепости?

– Ну, конечно! А что такого, там много пустых помещений.

«Теоретически возможно, – согласился Сенин. – Будем считать, по этому вопросу он отмазался».

– Платформа с переселенцами уже на орбите, до высадки несколько часов, – продолжал говорить губернатор. – Мы готовимся их хорошо встретить. Милиция тоже мобилизована. Надеюсь, что и вы нам поможете. Дело-то непростое и небыстрое, а у вас опыт есть, верно?

– Конечно, – кивнул Сенин. – Все что в наших силах.

«Что делать? – лихорадочно думал он. – Самое лучшее

– валить отсюда подальше, укрыться в лагере и наблюдать издалека. Через те же камеры, хотя бы... Но как это объяснить местным? Ладно, черт с ними, с местными, как объяснить команде, которая уже размякла и приготовилась наслаждаться бездельем и гостеприимством? Упереться рогами и тупо приказывать? Могут самого счесть за сумасброда. А потерять доверие людей в условиях дальнего полета – это очень и очень плохо».

Хуже всего, что на поддержку команды рассчитывать было нечего. Его доблестные бойцы просто не желали думать, что вокруг происходит нечто очень странное. Они радовались, как дети, что люди нашлись, база вновь ожила, а из пищеблока им несут горячий ужин. Все как-то быстро поверили, что случилось глупое недоразумение, которое вот-вот прояснится. Но оно не прояснялось.

Поговорить с глазу на глаз с многоопытным Кареловым? Сказать: ты-то хоть видишь, что творится? А если и он скажет: не вижу! Скажет: ты, командир, нас вел и умудрился завести в самую дурацкую ситуацию из всех возможных.

«Ладно, – решил Сенин. – Остаемся здесь, отдыхаем, встречаем переселенцев и, может, даже участвуем в празднике. Но пусть не думают, что наша миссия окончена. Мы должны выяснить, кто послал сообщение. А значит, есть серьезная причина гонять до седьмого пота парней и не давать им чрезмерно расслабляться».

Приготовления к встрече переселенцев шли полным ходом, и это создавало на базе атмосферу предвкушения праздника. За периметром раскладывали костры и готовились жарить мясо. В расчетное место посадки заранее выехали несколько машин, чтобы и там все подготовить – прежде всего, расставить осветители, установить систему привода и временный периметр.

Примерно за час до посадки туда же направилась огромная автоколонна. Администрация надеялась перевезти триста человек и гору скарба за один рейс. Джип с командой Сенина шел в самом хвосте. Ему пришлось объяснить, что по просьбе губернатора команда примет участие во встрече переселенцев и возьмет на себя часть мероприятий по обеспечению безопасности. А потому ранцы, которые парни уже пошвыряли под кровати, надлежит надеть, все оружие и оборудование – иметь с собой.

Колонна ползла по темной поверхности планеты, как живой островок света. Здесь – шум двигателей, лица людей, свет фар, но уйди в сторону на пятьдесят шагов – останется только тишина и замороженный мрак чужого мира.

Сенин поежился. Он боялся одиночества, как боится его любой астронавт. Однажды, после аварии почтовика «Фигуро», ему пришлось поднимать на борт крошечную спасатель-

ную камеру. Воняло из нее похуже, чем из могилы. Там находился всего один человек. Он висел в пространстве пять недель, совершенно один. Он не отвечал на вопросы, не мог сам поест, раздеться, сходить в туалет. И всегда смотрел в одну точку.

Для таких были специальные отделения в каждом госпитале. Но все они до конца жизни так и смотрели в эту свою точку, а что в ней – никому не известно.

Можно поднять на орбиту человека и смоделировать условия спасательной камеры. И ничего с ним не сделается – хоть полгода его там продержи. Одного нельзя повторить – чувства потерянности в бесконечной Вселенной, когда никто точно не знает, где ты, да и есть ли ты вообще.

Это неотвратимо, день за днем убивает душу. Это настолько страшно, что мозг начинает защищать себя, и человек просто перестает интересоваться чем-либо, а затем и чувствовать. И тогда он уходит сам в себя, в какие-то беспредельные глубины, где, возможно, теплится один живой огонек – такой же слабый, жалкий, микроскопический, как человеческое сердце, одиноко бьющееся в безмолвии большого космоса.

Машина шла довольно ровно, ее не бросало на буграх. Случайно или нарочно, место посадки было выбрано вблизи от одной из наезженных дорог, по ней и шла колонна. Сенин уже связался с Ангелиной и спросил, куда ведет дорога. Оказалось, на делянку, с которой поселение получало лесомате-

риалы. По каким-то соображениям, поселение заложили в двадцати пяти километрах от ближайшего лесного массива.

Перед выездом Сенин попробовал набросать текст рапорта руководству Сектора. Его прямо-таки подмывало скорей сделать это – разложить все по полочкам, указать на неопровержимые факты и всех убедить, что он ни в чем не виноват. Себя, в первую очередь.

Все оказалось сложнее, чем он думал. Первый вариант показался ему чем-то вроде дневника параноика. Пришлось стереть. Второй вариант был похож на злобную клязузу. Ну, а третий напоминал жалкие оправдания нашкодившего мальчишки. Сенин наконец понял, в чем дело – из него лезли эмоции. А перейти на сухой протокольный язык означало лишить документ убедительности.

Неожиданно впереди колонны начали сигналить машины. Через секунду к ним присоединились и остальные. Сенин понял, в чем дело – перед колонной медленно опускалась яркая двойная звезда – долгожданная платформа с переселенцами. Посадка произошла чуть раньше расчетного времени.

Звезда погасла, но тут же забрезжило туманное зарево – поднявшуюся пыль и дым подсветили прожектора. Мертвый морозный воздух ожил, наполнившись тончайшими лучиками всех цветов радуги.

На посадочной площадке уже царило оживление. У подножия огромной, как дом, платформы, еще дымящейся, растекалось человеческое море. Поминутно подъезжающие ма-

шины добавляли шума, света и движения. Ни дать ни взять, новогодняя ярмарка.

Сенин вышел из джипа и, пройдя с десятков шагов, оказался в окружении людей и голосов. Одни смеялись и обнимались, другие стояли столбом, разглядывая незнакомые звезды и пробуя полной грудью чужой воздух, третьи распаковывали узлы, доставая одежду потеплее. Некоторых из платформы выводили под руки: спуск с орбиты – это все-таки не прогулка. Машины выстроились широким фронтом, готовясь принять пассажиров. Где-то рокотал громкоговоритель, где-то раздавали горячий кофе, кто-то уже кидал вещи в кузов.

В общем, все радостные и довольные. Никакого намека на тревогу или опасность. Если только сами обитатели не превратились тут в вампиров-людоедов и не заманили в ловушку наивных переселенцев.

На мгновение Сенину показался ужасно глупым и мерзким его разговор с губернатором: пронизанный подозрительностью допрос хорошего и чистого человека...

Но только на мгновение.

Он поправил в ухе динамик радиостанции.

– Вельцер и Муциев – на дальние углы периметра, с аппаратурой. Продублируйте милицию. Остальные, оставайтесь пока около машины. Я скажу, когда понадобится.

В следующее мгновение он нос к носу столкнулся с Анжелиной.

– Вы здесь? – обрадовалась она. – Давайте помаленьку грузиться. Берите на себя вот эти четыре грузовика, наполняйте, и можете уже отправляться. Если надо, моих парней возьмите в помощь.

Она сунула ему громкоговоритель и исчезла в толпе. Сенин состроил ей вслед недовольную мину, сам не зная, почему, но игнорировать просьбу не стал. Он и сам был не против поскорей закончить это шумное, сутолочное мероприятие. Поэтому он отозвал своих ребят, затем выловил из толпы еще двух парней в форменных зеленых куртках – тот самый условно существующий милицейский отряд – и приступил к заполнению грузовиков.

Усилитель голоса не понадобился, хватило своих возможностей. Минут за двадцать он рассадил по машинам шестьдесят два человека с вещами. Переселенцы атаковали встречающих вопросами – про погоду, про зарплату, про питание – но Сенин это дело решительно пресек. Не для того он здесь, чтобы знакомить новоселов с местными обычаями.

Идея совместить прилет с праздником все меньше ему нравилась. Новоприбывших следовало зарегистрировать и расселить, а там и до рассвета недалеко. Как можно начинать праздник на рассвете, он не понимал.

Однако переселенцы его скепсиса не разделяли. Здесь была, в основном, молодежь, которая могла беситься без подзарядки хоть сутками напролет. А тут такое событие... Наоборот, все пришли в восторг, когда узнали, какой сюрприз

подготовили хозяева.

Сенин отправился поспать. Уснул он быстро, поскольку измучился за день, однако через какое-то время его разбудил грохот. За окном что-то полыхало. Оказалось, на улице палят из сигнальных ракетниц – маленький домашний фейерверк в честь праздника.

Бормоча проклятия, Сенин оделся и вышел на улицу. Теперь он уже не мог спать, когда все население планеты веселится. В конце концов, не так уж часто ему самому удавалось так отводить душу.

За периметром горели костры и гремела музыка. Очень скоро Сенин увидел Муциева и Вельцера. Оба, конечно, навеселе и даже с какими-то новыми подружками в обнимку. Он не стал подходить. Ему самому захотелось выпить – так, чтобы сразу дало по мозгам.

С этим проблем не возникло – у костров раздавали дымящееся мясо и разливали напитки. Убедившись, что никто не обращает на него внимания, Сенин выпил еще и еще. Мороз стал нипочем.

Потом его заграбастала какая-то женщина в расстегнутом рабочем бушлате, она повлекла его к танцующим соплеменникам и вовлекла в какую-то неистовую, нелепую пляску.

– Новенький? – прокричала она ему на ухо. – Один прилетел?

«На форму хоть посмотри», – хотел сказать Сенин, но потом ему стало на все плевать. Женщина была немолодой и

грузной, от нее пахло потными шмотками.

– Покажешь, где устроился? – кричала она в ухо, дыша спиртным духом.

Выждав момент, Сенин избавился от ее хватких рук и скрылся в толпе. Он отправился искать Ангелину. По дороге снова выпил с группой новоприбывших, которые непременно хотели с ним познакомиться. Потом нашел Ангелину – у самого дальнего костра ее целовал какой-то щуплый бородач. Сенин рассвирепел и решительно приблизился.

– Привет! – улыбнулась Ангелина. – Как тебе у нас?

– Нормально. Но завтра будет серьезный разговор, – ответил он и, нервно развернувшись, зашагал прочь.

«Просто идиот», – оценил он свой поступок минуту спустя.

Потом он пил, с кем-то знакомился, обнимался, вскоре заметил, что его уже понемногу сторонятся, и наконец добрался-таки до кровати.

* * *

Открыв глаза, Сенин поразился, как легко у него на сердце. Словно и не было ничего.

Он лежал в светлой комнате и глядел в потолок. Стоял какой-то необычный запах, наверно, свежей древесины. Чистый воздух приятно охлаждал изнутри.

«А что собственно вчера произошло? – размышлял он. –

Да ничего! На базе не оказалось людей? Мне объяснили – почти все они на объектах. Кровь в комнатах – тоже объяснили. Пустой эфир – это бывает, попали в мертвую зону. А недоразумение с высадкой – это не только моя вина. Мое дело – факты предъявить. И окончательное решение не я принимал, а команда «Форума». Объяснюсь уж как-нибудь с начальством. Осталось только найти того, кто сообщение прислал – и все, дело сделано. Гуляй, отдыхай, знакомься с бабами, жди попутного транспорта».

Сенин сладко потянулся. Великое дело – отдых. Сразу жизнь становится другой – все успокаивается, все становится на свои полочки и из любого положения находишь какой-никакой выход. Хотя, надо признать, в голове ощущается некоторая тяжесть...

Он поднялся с кровати, огляделся – и застыл в немом изумлении.

– Черт подери! – вырвалось изнутри.

Из щелей в полу лезла «мочалка». Вчера ее не было, она народилась за ночь. Белесая путаница была похожа на тополиный пух, налетевший по углам. Ничего в ней особенного не было, но у Сенина она вызывала необъяснимое отвращение. Как насекомые, поселившиеся в припасах.

Он оделся, сбрызнул лицо из умывальника и вышел на улицу. Хотел было заглянуть в комнаты к своим парням, но передумал. Пусть пока отдыхают.

По дорожкам вяло передвигался какой-то народ – похо-

же, сегодня администрация объявила выходной. И правильно. Какая может быть работа после такой ночи?

Народ не просто прохаживался, он целенаправленно куда-то двигался. «Наверно, на завтрак», – подумал Сенин и присоединился к общему потоку. На каком-то перекрестке к нему подскочили две молоденькие девчонки, поцеловали в обе щеки и весело спросили, как дела.

– Да ничего, – удивленно ответил Сенин, а сам подумал: «Когда это я успел так сдружиться с ними?»

Затем он встретил Ангелину, она брела, сунув руки в карманы, и зевала. В сердце кольнуло, Сенину вспомнился вчерашний бородач. Он невольно представил, как тот сегодня вылез из-под теплого одеяла Ангелины, натянул штаны на тощие волосатые ноги и отправился по своим делам. Какой-то бледный дрищ с такой бабой! Невероятно...

– Привет, – сказала Ангелина. – Ты тоже на собрание?

– Какое еще собрание?

– Новых будут учить уму-разуму.

– Ну уж нет, – помотал головой Сенин. – Никаких заседаний.

– Тогда пошли завтракать. – Она зевнула. – Вернее, уже обедать.

– Вот это другое дело.

Они шли молча. У Сенина была куча вопросов к Ангелине, но не хотелось опошлять момент служебными разговорами. Хотелось нейтрально поговорить. Только он никак не

мог придумать, о чем.

– Куда народ новый девать будете? – спросил он.

– В крепость. Там места навалом.

– Я про работу.

– А-а, работы хватит. Половина сразу пойдет строить новые дома. Остальных – на производство. Ну, и на хозработах руки тоже нужны.

– Я сегодня у себя в комнате нашел целые клоки какого-то лишайника. За ночь вырос.

– Я скажу, чтоб убрали, – безразлично ответила женщина. – Это у всех так. Каждый день надо убирать.

– А что же этот ваш биотехник?

Она пожала плечами. Понимай, как хочешь. То ли не справляется пока, то ли всем плевать.

– Где он?

– Где-то бегают. Может, на объектах.

– Там тоже заросли?

– Да, везде эта штука. Не обращай внимания, мы уже привыкли.

Пищеблок был довольно обшарпанный. Стены провоняли кухонными испарениями, а под ногами ощутимо скользило. Судя по всему, завсегдатаев тут было немного. Время дикого освоения кончилось, обитатели перебрались от коллективных кормушек в собственные кухни.

– Всегда здесь питаешься? – поинтересовался Сенин, пробуя едва теплое какао.

– Когда готовить лень. Я ведь ленивая ужасно, мне даже концентрат лень кипятком залить.

«Заметно», – хмуро подумал Сенин.

– Слушай, ты вчера какой-то разговор обещал. Я так и не поняла...

– Да, я помню... – пробормотал Сенин, и уши у него стали пунцовыми. – Я вот что хотел... Расследование надо все-таки закончить. Ты тут не слишком занята?

Она пожала плечами.

– Найди у себя пару толковых ребят и проведи все по полной форме. Мне нужно вот что: списки всех, кто имеет официальный доступ к передатчику и у кого есть ключ-карты центра связи, включая всяких технарей, уборщиков, наладчиков, понимаешь?

– Ну?

– И каждого нужно опросить – под запись.

– Каждого?

– Не пугайся, мы поможем. Знаешь, как допросы проводятся?

– Ох... – Она закатила глаза. – Надо вспоминать. Я же тут после курсов.

– Понятно... – вздохнул Сенин. – Начинай сегодня же. Мы чуть позже подключимся, у меня тут есть еще одно дельце...

Ангелина на некоторое время примолкла, переваривая в уме все, что наговорил ей Сенин.

– Ладно, – она развела руками и улыбнулась. – Сделаем.

«Ладно. Сделаем, – мысленно повторил Сенин. – Ай, какая хорошая девочка».

Несмотря ни на что, она ему все больше нравилась.

Через пару часов после завтрака Сенин собрал команду и объявил, что сегодня он собирается полазить по подвалам. Команда встретила новость без энтузиазма. Тем не менее решение было принято. Сенину не давал покоя кровавый след, ведущий в шахту. Он мог допустить, что это была кровь из разделанной туши, хотя заниматься разделкой в крепости – чья-то совсем уж странная фантазия. Но кровавый след – это уже совсем другое. На ум так и просилось, что какая-то тварь утащила в подземелье коровьи останки. И еще волновала та странная быстрая тень, которую заметили Карелов и Гордосевич, но не увидела аппаратура.

Ничего удивительного, если такие твари здесь водятся, а никто про них не знает. Даже на Земле, где пройден вдоль и поперек уже, пожалуй, каждый квадратный метр, то и дело открывают каких-то новых бабочек, рыб и червяков.

Поиск хищных тварей в прямые задачи экспедиции, конечно, не входил. Но, коль уж назвался службой безопасности, надо этой безопасностью заниматься во всех ее проявлениях.

Инженер по коммуникациям, которого Сенин сам нашел и привлек в качестве проводника и помощника, сказал, что никаких жалоб на работу подземных систем не имеет. Никто в тоннелях по ночам не ворочается, кабели не перекусывает

и злыми глазами из люков не сверкает. Но отговаривать не стал.

– Охота вам в пыли изваляться – дело ваше, – сказал он. – А я заодно переходники проверю.

Крепость уже не казалась зловещим прибежищем призраков, каким выглядела в первый день. Просто большая захлавленная подсобка, куда нечасто заглядывают люди, и только.

– Прибрались... – негромко заметил Карелов.

В самом деле, никаких кровавых брызг в крепости уже не было. Да и «мочалки» стало значительно меньше.

Вниз Сенин взял с собой Гордосевича и Муциева. Остальные остались на подстраховке – смотреть в монитор и поддерживать связь. Инженер поколдовал в распределителе и включил люкс-кабель.

Им удалось спуститься и пройти всего несколько метров. Дальше прохода не было. Все оказалось забито мочалкой. Внизу она была уже не легкой и воздушной, а напротив – жесткой и неподатливой. Толстые стебли сплетались в плотную сеть, в которой мог завязнуть, пожалуй, даже небольшой автомобиль. Светящаяся кишка люкс-кабеля беспомощно меркла в этом сплетении.

Сенин вылез наверх не столько удивленный, сколько злой.

– Вы хоть смотрите, что тут у вас творится? – накинулся он на инженера. – Это ж надо довести до такого хозяйства!

– Да занимается у нас один специалист... – с досадой по-

морщился инженер.

– Я про этого специалиста только и слышу с утра до ночи. Хоть бы поглядеть на него... Он вообще существует в реальности, или вы его придумали?

– Где-то ходит...

И тут вдруг Гордосевич тихо вскрикнул. Вернее, даже не вскрикнул, а просто ойкнул.

– Что? – насторожился Сенин.

Гордосевич разглядывал ладонь.

– Она... кусается, – выговорил наконец он.

– Кто кусается?

– Мочалка. Я только потрогал, а она... вот.

– Как кусается, объясни толком! Как крапива? Или как крокодил?

– Не знаю... – Гордосевич оглядел всех с легким испугом. – Вроде как током бьет.

– Да вы не пугайтесь, – усмехнулся инженер. – Это не страшно. Мы все сначала пугались, а потом... – Он наклонился и положил ладонь на комок спутанных стеблей. – Уже почти и не чувствую.

Муциев последовал его примеру и через несколько секунд отдернул руку.

– Да, – озадаченно произнес он, растирая ладонь. – Что-то есть такое...

– Молодые ростки стрекаются, – сказал инженер. – Большие – редко.

Все попробовали, и Сенин в том числе. Действительно, похоже на слабый удар током. Нет, скорее, на легкий ожог горячим паром. Любопытно, а если упасть туда всем телом?..

Сенин уже пожалел о своем эксперименте. Неизвестно, как эти ростки действуют на людей. Поэтому не надо бы руки совать, куда попало...

Через пятнадцать минут он разговаривал с Ангелиной.

– Во-первых, – сказал он, – хочу знать, когда меня познакомят с вашим загадочным биотехником.

– О-ох... – Она закатила глаза. – Да работает он где-то, может, на объектах.

– Что значит «где-то»? Тут меньше двух тысяч населения, неужели трудно найти одного человека? Или у него нет радиосвязи? Кто он такой, как его хоть зовут?

– Зовут? – Ангелина неопределенно повела плечами. – Бог его знает, как его зовут. Он же не наш, его специально выписывали базу чистить от путанки.

– Я увижу его сегодня?

– Я узнаю, где он и сразу тебе скажу, – пообещала Ангелина. – Но если он на производстве или на стройках, может сегодня и не приехать. А возможно, рисует где-то.

– Что-что?

– Да, он у нас рисует на камнях, знаешь такое? Я его поищу.

– Хорошо, буду ждать с нетерпением, – кивнул Сенин. – Тогда второй вопрос: как дела с допросами?

– Скоро начну, – заверила она, преданно заглянув Сенину в глаза. – Вот только получу списки у коменданта.

– Начать нужно сегодня, – сухо напомнил Сенин. – Как будут списки, сообщи мне – мы тоже подключимся.

– Конечно-конечно, – закивала Ангелина, но в глазах ее сейчас читалось только одно: свалились вы на мою голову.

Незадолго до ужина, когда Сенин валялся на кровати и томился скукой, к нему зашел Карелов. Он бросил на стол небрежно сложенную пополам распечатку.

– Мы тут с Вельцером полазили в центральном компьютере, – сказал он. – Извини уж, что без твоей санкции...

– Да ничего, это законом не возбраняется. И что там?

– Там отчеты первых экспедиций. В общем, мы нашли описание «мочалки».

– Так-так. – Сенин подался вперед. – Ну и..?

– Ее много в южных широтах. Целые гектары леса опутаны. Биолог, который ее нашел, назвал ее... – Карелов запнулся, взял было распечатку, но передумал. – Не помню, как это звучит по латыни, а по-нашему – «большой желудок».

– Желудок? Очень интересно.

– Они находили что-то вроде плодов, а внутри – целые туши крупных животных. Предполагается, что животные запутываются, теряют силы, а волокна разрастаются в подобие желудка и переваривают плоть.

– А почему «предполагается»? – спросил Сенин. – Точных данных нет?

– Ну, это же первые экспедиции. Пробный взгляд, так сказать. У них не было возможности вести наблюдения за каждым деревом. А эта версия хорошо укладывается в схему жизнедеятельности здешней растительности.

– Жутковатая картинка. – Сенин покачал головой. – Надо же – «большой желудок». Интересно, она и человека может так вот опутать и переварить?

– Вряд ли, – пожал плечами Карелов. – Человек, думаю, найдет, как выпутаться.

– Да? – Сенин показал ладонь, только сегодня испытавшую ожог от молодых побегов. – А если она своими стрекательными клетками тебя шарахнет от мозгов до пяток?

– Не знаю, здесь нужны исследования. Непонятного слишком много. Ну, например, почему она здесь разрослась, в таком-то климате.

– Ага, а интереснее всего, чем она тут питается. Какими такими тушами животных?

Они помолчали. И вновь Сенину вспомнился кровавый след.

– Слушай, Карелов, – сказал Сенин. – Почему мы-то с тобой – посторонние люди – об этом думаем? Почему губернатору и всей его администрации на все плевать?

– Привыкли. – Карелов спрятал усмешку. – Они ж все смелые, пока проблемы не начинаются.

Ангелина появилась только на следующее утро. Сенин, впрочем, и не рассчитывал на большее. Он уже понял, что его расследованию здесь относятся как к капризу очередного чиновника из Сектора. И принцип тут действовал известный: хочешь сделать хорошо – делай сам.

Однако небольшой прогресс был налицо: Ангелина хотя бы принесла списки. Сенин мельком просмотрел их, но взгляд ни на чем не задержался.

– У меня просьба, – смущенно сказала Ангелина.

– Да, я слушаю.

– Вы ведь ребята храбрые, да?

– Допустим. – Сенина удивило такое начало.

– Надо слазить на радиомачту, поправить гидроизоляцию на блоках. А то как дождь, у меня сплошной треск и помехи.

– Хочешь, чтобы мы поправили эти блоки?

– Ну да. Мои балбесы говорят, что высоты боятся. Надо-ело их упрашивать.

– Упрашивать, – хмыкнул Сенин. – А власть тут зачем?

– Да что я, из-за каждой железки буду губернатору жаловаться? Ну, не хочешь, я сама могу, конечно, слазить...

– Да нет, сделаем, какие проблемы. Не пойму только, почему ты этим занимаешься.

– Мое хозяйство. Эти блоки – резервная связь с объекта-

ми.

– Ясно. Сделаем, не волнуйся.

– Ой, спасибо! – искренне обрадовалась она. – Я принесу инструменты.

Сам Сенин на мачту не полез, отправив Вельцера и Муциева. Те даже обрадовались – похоже, вынужденное безделье им уже приелось. Да и показать удаль перед молодыми поселенками не лишнее.

Сенин вместе с Ангелиной стоял у подножия мачты и наблюдал, как его бойцы возятся с блоками, когда рация донесла удивленный голос Вельцера.

– Командир, там какой-то человек.

– Где «там»?

– Далеко, на равнине.

– И что?

– Он странный какой-то... сейчас, одну минуту... – Похоже, у Вельцера был с собой бинокль. – Он ползает по кучам, что-то ищет.

– По каким еще кучам, говори яснее!

– Минуту... это, похоже, свалка. Озирается... Весь какой-то оборванный.

– Оставайся на связи.

Сенин повернулся к Ангелине, которая встревоженно прислушивалась к разговору.

– Там есть свалка?

– Есть, конечно.

– И что, по ней часто ползают бродяги?

– Какие бродяги?! Никто там не ползает.

Джип стоял рядом. Сенин раздумывал всего секунду.

– Едем?

– Конечно! – отозвалась Ангелина.

Машина проехала метров пятьсот, когда Вельцер снова вышел на связь.

– Командир, я его не вижу. Думаю, он вас заметил.

– Куда он мог деться.

– Никуда. Где-то там спрятался.

– Значит, будем искать. Свяжись с Кареловым, пусть берет Гордосевича и на любой свободной машине гонит за нами.

– И мы присоединимся.

– Лично ты оставайся на месте и наблюдай.

Свалка, похоже, являлась ровесницей поселения. Слежавшиеся кучи технических отходов возвышались, как твердые скалистые уступы. Впрочем, свежего хлама здесь тоже хватало, и воздух был нехороший, с тухлецей.

– Сюда вывозят промышленные отходы? – сразу спросил Сенин.

– Нет! – испуганно замотала головой Ангелина. – Уничтожаем, как положено.

– Ну, тогда пошли. – И он выпрыгнул из машины, эффектно – специально для своей спутницы – выхватив пистолет. Надо сказать, что и спутница извлекла свое оружие вполне

сноровисто.

Под ногами что-то хрустело и скользило, и вообще идти следовало осторожно. Свалка была довольно обширной, обшарить ее в пять минут вряд ли удалось бы.

– Может, я своих ребят соберу? – предложила Ангелина.

– Не надо, хватит и моих, – отмахнулся Сенин. Конечно, прочесать зону по всем правилам было бы здорово, но пока она будет сгонять в кучу свою бестолковую команду...

– Вельцер, ты следишь за обстановкой? – спросил Сенин в рацию.

– Да, слежу. Вас вижу, его – нет.

Обходя большую груду обрывков упаковочных материалов, Сенин потерял Ангелину из вида.

«Ладно, не маленькая, – решил он. – Догадается, если что, крикнуть или выстрелить».

И вдруг он остановился. Он не сразу понял, на чем споткнулся взгляд – однако мозг дал команду «стоп».

Это был обрезок металлической трубы с тяжелым фланцем. В следующее мгновение Сенин понял в чем дело. К краю фланца прилип пучок волос.

Сенин поднял трубу, внимательно осмотрел. Конечно, это мог быть случайный пучок или вообще не волосы, а какие-то технические волокна. И все же очень похоже, что кому-то хорошо досталось этой трубой по голове. Даже очень похоже. Сенин тронул край фланца – липко. На вкус, однако, пробовать не стал.

Он огляделся. Рядом было большое кострище – паленое пятно размером метра в четыре. Здесь жгли какое-то тряпье, уцелевшие остатки лежали по краям.

Он сел на корточки, взял один клочок в руки и узнал остатки клетчатой рубашки столь популярного здесь фасона. На клочке темнели застывшие бурые пятна.

«Интересно, интересно, – пронеслась быстрая мысль. – Это тоже коровьи останки?»

Быстро оглядевшись, он сунул клочок в карман. В следующую секунду раздался голос Ангелины.

– Ган, ты где?

Он поднялся, помахал рукой.

– Нашла что-нибудь?

– Нет, вон твои мужики едут.

Действительно, вдали подпрыгивал на буграх красный пикап на больших болотных колесах.

– Эй! Пожалуйста, не выдавайте меня!

У Сенина екнуло сердце. Незнакомый слабый голос прозвучал прямо из-под ног.

– Кто здесь? – он невольно сделал шаг назад.

– Пожалуйста, тише!

Лист грязного пластика, на котором Сенин только что стоял, зашевелился. Показалась косматая голова и рука – вся израненная и расцарапанная. Лицо тоже покрывали запекшиеся ссадины.

Сенин быстро глянул на Ангелину, до нее было шагов

тридцать, и она не смотрела в его сторону. Он сел на корточках.

– Слава богу, вы прибыли, слава богу, – запричитал незнакомец, и на глазах его заблестели самые настоящие слезы. – Только не выдавайте им меня.

– Тихо, тихо... – пробормотал Сенин. – В чем дело? Кто ты такой?

– Я Эрих Валенски, биотехник. Это я поднял тревогу, я вас вызвал...

– Ах, вот оно что! – воскликнул Сенин. – А ну, вылезай, тебя-то мне и нужно.

– Тише, умоляю вас! У нас сейчас нет времени. Я все объясню и докажу. Я знаю порядок и хорошо подготовился. Вот вы – командир, я разбираюсь в знаках...

– Ган! – раздался голос Ангелины. – Ты где? Что ты там застрял!

– Все в порядке! – он снова помахал рукой. – Просто ботинок поправляю.

– Давно вы здесь? – спросил биотехник.

– Нет, четвертый день. А что?

– Это хорошо, четыре дня не страшно, – затараторил Валенски. – Они ждут новых поселенцев, нужно любой ценой отменить высадку. Все погибнут, абсолютно все погибнут.

– Поселенцы уже здесь, – сообщил Сенин. – Все живы и здоровы.

– Они здесь? – ахнул Валенски. – Вы же ничего не знаете,

абсолютно не знаете!

– Так говори же, наконец! – потерял терпение Сенин.

– Нет, вы сейчас не поймете, просто не поверите. И времени нет. – Он прислушался. Было слышно, как приближается пикап с командой. – Мы тайно встретимся сегодня вечером, как стемнеет. Буду ждать вас за периметром, рядом с вымпелом первой экспедиции. Там нас не увидят. У меня такие доказательства, что...

Пикап остановился, хлопнула дверь.

– Командир! – донесся голос Гордосевича.

– Прошу простить, – пробормотал Валенски и тут же исчез.

Сенин и не понял, когда тот успел юркнуть под пластик. Потом раздался шорох в куче картонных коробок, качнулись кусты неподалеку. Похоже, этот парень научился лазить по своим тайным ходам не хуже крысы.

Подошли его бойцы.

– Что тут? – спросил Карелов.

Сенин лишь пожал плечами, он не торопился отвечать. Проще всего сейчас сказать «фас», и парни все тут перероят, выдернут несчастного биотехника буквально из-под земли. Так же просто было минутой раньше схватить того за шиворот и не отпускать. И вытряхнуть информацию – все это делалось легко.

Но с другой стороны, человек сам показался, доверился, назначил встречу, обещал какие-то доказательства. И очень

убедительно просил не выдавать его. Вот тебе дилемма: поступать, как натасканный полицейский пес, и принести добычу, или принять условия игры, как подобает сыщику.

Конечно, парень здорово смахивает на ненормального. А как же тогда окровавленные тряпки в кострище? А как же все остальное? Да и где тут найти нормального информатора?

Что ж, решил Сенин, устроить облаву никогда не поздно. А шансом на доверительный разговор нужно воспользоваться. И, кстати, ничто не мешает записать этот разговор на «Протокол» и приложить к делу.

– Пока никого не нашли, – сказал он. – Вельцер не мог ошибиться?

– Нет-нет, – проговорил Муциев. – Я тоже видел.

– Это был человек? Может, какое-то животное?

Муциев обиженно улыбнулся.

– Тут есть гиены, – сказала Ангелина. – Они иногда встают на задние лапы, совсем как люди.

– Все-таки, кажется, это был человек, – неуверенно проговорил сбитый с толку Муциев.

– Хорошо, давайте искать, – пожал плечами Сенин, всем своим видом показывая, что на успех уже не надеется.

– Мы взяли детектор движения, – сообщил Карелов.

– Да, попробуйте.

«Только бы он не пошевелился, – думал в этот момент Сенин. – Только бы сидел тихо».

Никому из своих ребят Сенин о встрече на свалке не сказал. Это, конечно, было не очень порядочно – дурачить людей, заставляя их бесцельно перекапывать мусор, но в своем ремесле Сенину доводилось играть с подчиненными в еще более неприглядные игры.

Он четко знал еще с тех времен, когда начал выполнять оперативные поручения: нельзя без достаточных оснований раскрывать свои источники никому. Только непосредственному начальнику, но начальство было сейчас далеко. И до него еще дойдет очередь. Человек пошел на контакт и просил сохранить свое инкогнито, значит, на это есть веские причины.

После обеда Сенин сходил к химикам и попросил у них комплект для абсорбционной спектроскопии. Те, конечно, удивились и спросили, зачем. Сенин их неуместное любопытство пресек вежливо, но решительно. Вспомнив курс полевой криминалистики, он обработал окровавленный клочок рубашки щелочью и восстановителем, и затем на силиконовой пластинке совершенно отчетливо увидел спектр гемохромогена. Эта была, вне всякого сомнения, кровь, а не краска и не соус.

Немного позже Сенин собирался получить доказательство того, что это человеческая кровь. Для этого требова-

лась преципитирующая сыворотка, которая наверняка была в милицейском хозяйстве Ангелины. Но с нею Сенину пока откровенничать не хотелось. По крайней мере, до разговора с биотехником.

Секреты секретами, но идти в ночь, на встречу неизвестно с кем без подстраховки Сенин не собирался. Поэтому, едва в небе обозначились сумерки, он передал своим, чтоб собрались вместе и приготовились к инструктажу. Он хотел сказать им, что сегодня никаких гулянок не будет. Чтобы все оставались на связи и были готовы срочно выехать. А куда – это пока не разглашалось.

Сенин вошел в комнату, где его ждали бойцы, и тут же почувствовал, что с ним творится что-то не то. Ему неожиданно захотелось присесть. Пытаясь совладать с собой, Сенин выдавил несколько слов: получилось что-то вроде «будьте наготове, я должен уйти...» Полный бред, но голова вдруг отказалась работать.

Сенин сосредоточился. Он уже видел, что парни смотрят на него с изумлением.

– Сегодня... – выдавил он. – Не вздумайте ничего делать. Я буду там...

Он посмотрел на ладони, которые вдруг нестерпимо зачесались, и увидел, как под кожей бегают маленькие круглые комочки – быстро-быстро, словно молекулы в броуновском движении.

– Что это такое? – растерянно проговорил он и протянул

ладони.

Бойцы хлопали глазами – они ничего не видели и не понимали, что происходит.

– Это будет сегодня... – с трудом выдавил Сенин и неловко облокотился на стену. Потом вообще завалился.

Все вскочили. У Сенина перед глазами все еще мельтешили эти странные комочки, теперь они бегали по потолку, по стенам. Он все видел, слышал и вроде бы понимал, но не мог пошевелиться и сказать хоть слово.

Потом появился врач – здоровенный, лысый, с сердитыми глазами.

– Все ясно, несите ко мне, – сказал он.

Сенин увидел, что его кладут на носилки. Он напрягся и из последних сил выдавил:

– Меня ждет человек... за периметром... это важно.

– Да-да, все нормально, – успокоил его врач и похлопал мощной ладонью по груди.

В медблоке Сенина раздели. Врач выгнал бойцов и быстро осмотрел его. Потом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.